

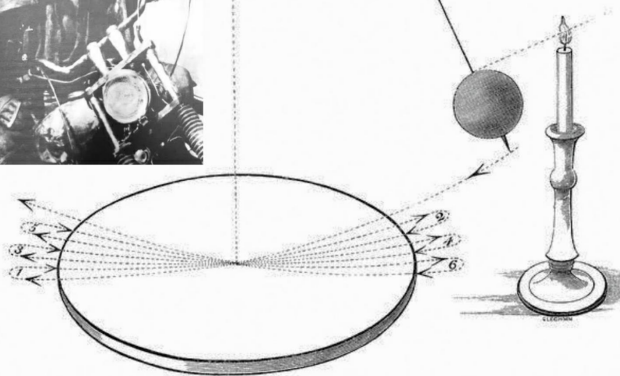
18+

Владимир Харитонов

Маятник Судьбы

Автобиографическая повесть

Владимир Харитонов

Маятник Судьбы

<https://litres.ru/63697152>

SelfPub; 2026

ISBN 978-5-532-94744-3

Аннотация

С присущим рассказчику юмором описаны детство, юность, обучение в двух высших учебных заведениях, увлечение спортом. Много драк и спортивных боев в стиле каратэ. Автор рассказывает о колебаниях Маятника своей Судьбы - от начальника уголовного розыска до зэка в СИЗО г.Иваново. Описаны случаи реальных расследований очень интересных уголовных дел со стрельбой, убийствами, погонями. В следственном изоляторе провел более трех лет - подробно изложены: обстановка, взаимоотношения с администрацией, другими зэками. Для любителей "тюремной тематики" книга будет очень интересной. Тернистый путь к оправдательному приговору. Показаны неординарные приемы достижения этой цели. Все персонажи - существующие люди, имена и фамилии изменены, любое совпадение с реальными людьми случайно. Автор гарантирует - скучно не будет!

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Эх, детство – время золотое	11
Глава 2. Куда пойти учиться, чтобы сильно не трудиться	48
Глава 3. Крутить педали – совсем не скучно	57
Глава 4. «Ты узнаешь, что напрасно называют север крайним...»	81
Глава 5. Студенческие забавы	92
Глава 6. Иваново до свидания. Здравствуй Кинешма	100
Глава 7. Наша служба и опасна и трудна	115
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Владимир Харитонов

Маятник Судьбы

Эти записи сделаны в карцере СИЗО № 1 города Ивано-во о реальных случаях из моей очень интересной жизни... При дальнейшем редактировании, уже на воле, добавлялись новые сюжеты, «расширялись» старые.

Пролог

Холодный карцер Ивановского следственного изолятора... На каменных толстых стенах всюду видны капли конденсата. Словно сам камень льет слезы по своим пленникам день и ночь, независимо от времени года. Большая часть камеры находится под землей по самые окна; они вместо стекла закрыты полупрозрачным целлофаном. Вечное царство холода и сырости, в которое так неожиданно забросила меня судьба. Я старался обогреть его, цепляясь своей памятью за то далекое, невозвратное, но такое теплое прошлое. Сидел на деревянном настиле, заменяющем кровать, на коленях – новая общая тетрадь, в правой руке ручка. Хотел описать свою жизнь и не знал, с чего начать. Мысль летала от одного фрагмента памяти к другому и не могла ни за что зацепиться. Оказалось не так просто выбрать событие, связанное невидимой нитью со всеми другими эпизодами, все равно, что начать жизнь с чистого листа.

Свой день рождения в далеком тысяча девятьсот пятьдесят пятом году тридцатого июня я не помню, как и абсолютное большинство людей, живущих на Земле. Хотя, оказывается, есть и такие уникалы, чья память начинается прямо с момента появления на свет – читал о них в интернете. Итак, с чего начать свой рассказ? Пожалуй, начну с исповеди батюшке Владиславу в храме села Горки, расположенном ки-

лометрах в десяти от родного города Кинешмы. Ведь это таинство вольно или невольно заставляет вспомнить все повороты своей судьбы, порой довольно крутые, да и чего греха таить не всегда беспорочные...

Главной достопримечательностью этого храма, безусловно, является икона Божией Матери «Всех скорбящих радость». История ее появления здесь просто поражает воображение. Она до Великой Отечественной войны, находилась в церкви села Велизанец Кинешемского района, и была очень почитаема местными жителями. Но перед самым началом всемирной бойни храм загорелся, как знак приближающейся большой беды. Причина пожара осталась неизвестной, несмотря на то, что селяне, живущие неподалеку, прибежали довольно быстро. Однако и огонь времени зря не терял, набрал устрашающую силу «в мгновение ока». Внутри любого даже каменного здания имеется немало деревянных предметов, к тому же старых и сухих, как и висящие на стенах иконы. Местные жители переговаривались между собой, время от времени крестя лбы, но каких-то активных действий по усмирению огненной стихии не предпринимали. Откуда-то появился очень смелый местный подросток четырнадцати лет по имени Валентин.

При нем оказался топор, и он через церковное окно проник вовнутрь, так как сама дверь была объята пламенем. Самая ценная и большая икона, ради которой юноша рисковал своей жизнью в проем окна, естественно, не помещалась. На

ум пришло единственное верное решение. Всенародную любимицу подросток аккуратно разрубил на три части и вытащил их по одной через то же оконце. Следом вылез сам. Взрослые не решились на то, что сделал, по сути, ребенок! Поскольку церковь сгорела почти дотла, стояли только закопченные каменные стены, икону через пару дней после пожара решили везти на телеге с запряженной лошадью в храм села Горки, примерно за десять километров. Однако кобыла шла почему-то очень неохотно. А недалеко от конечного места на переправе через маленькую речку повозка вообще встала, и как ни погонял извозчик свою «тягловую силу», она не реагировала. Священник, служитель местной церкви «Введения во храм Пресвятой Богородицы», передвигаясь на коленях по земле к мосту, умолял икону войти к нему в обитель. И Господь услышал... Вдруг лошадь без понуканий тронулась, и образ «Всех скорбящих радость» обрел новое место «жительства»... Много времени прошло с тех пор, немало священнослужителей сменилось в Горках, а в описываемый мною период исправно нес службу уважаемый всеми прихожанами батюшка Владислав.

Он примерно моих лет, а мне тогда было где – то сорок пять годков. Да, да, именно в этом возрасте я исповедался впервые. Естественно готовился к этому таинству заранее, но не молитвы читал подобающие, а пытался достать из закоулков памяти различные моменты беспокойной, да и беспорядочной порой жизни, где двигался в разрез со своей по-

кладистой совестью. Хорошо помню, как дорогой в машине, сидя за рулем, пытался вспомнить свои явные грехи и не мог сделать это – одни «заслуги» и «благодетения» перед Богом и людьми приходили на ум. Одному помог, другому подсказал, а третьего даже наказал физически, но за дело, не для его унижения. Да и животных всех люблю, никого не обижаю... У подножия храма возникла крамольная мысль: «удивлю сейчас батюшку своей «святостью»; таких честных, принципиальных и добрых людей он, наверное, еще не встречал».

Кстати сказать, само желание прикоснуться к этому таинству возникло у меня, только ради того, чтобы потом причаститься. Слышал я, что данное таинство периодически должен делать всякий человек, считающий себя православным христианином. А батюшка строг был, и все ритуалы соблюдал так, как предписывали правила богослужения. Не всякого, да и не сразу допускал до причастия. Обязательным условием было внимательно прослушать молебен от начала до конца, потом исповедаться с полной искренностью... В общем на службу, которая проходила в этот день с утра, я немного опоздал, но отстоял ее полностью, как и потом небольшую очередь на исповедь.

– Ну, сын мой, начинай рассказывать о грехах своих, – обратился ко мне священник голосом скорее сочувствующим, чем осуждающим.

А я... не знал, с чего и начать. Образовалась неловкая заминка, и батюшка стал подсказывать, перебирая обычные

наши пороки, на которые мы в обыденной жизни и внимания то не обращаем: «...каверзные помышления, объядение, пьянство, сквернословие...». Однако вскоре на ум пришли подобные примеры из моей жизни... и, наконец, я начал вещать. Не зря народ говорит – лиха беда начало. Грехи вспоминались и вспоминались, и казалось, им не будет конца....

Возникло ощущение загубленной души, неожиданно из глаз обильно полились слезы сожаления и раскаяния, говорить становилось все тяжелее и тяжелее.... Всклипывая, я обратился к отцу Владиславу:

– Сегодня не могу исповедоваться, давайте, приду к вам потом, в другой день.

Однако батюшка заверил, что именно так и должно происходить покаяние и потребовал продолжать. Короче, причащать в этот день он меня отказался, слишком тяжкий груз я пытался скинуть зараз и, выйдя из храма, почувствовал не облегчение, как обычно говорят в подобных случаях прихожане, а наоборот, огромную тяжесть на душе; я словно ощущал – хуже меня в этом мире человека просто не существовало. Резкое разочарование в самом себе переживал как непоправимую трагедию. Мысли лихорадочно крутились в голове, изворотливый ум, ранее неоднократно спасающий казалось бы из безнадежных ситуаций, не находил никакого выхода. Думаю, исповедь не списывает с человека его грехи, а заставляет их увидеть. И далеко не всем сие зрелище доставляет истинную радость...

Забегая вперед, могу подобное сказать и о своих карцерных записях: имел намерение описать геройские подвиги почти сверхчеловека. А когда в дальнейшем перечитывал и редактировал написанное, понял что геройского ничего и не сделал. Тысячу раз можно, оказывается, поступить иначе, но изменить уже ничего нельзя, и в своем повествовании буду максимально придерживаться пусть горькой, но исповедальной правды. . . .

Иногда я задумывался, почему, когда размышляешь о своей жизни в прошлом, вспоминаются именно эти моменты, а не другие, порой более яркие и интересные. И именно в этой последовательности, а не в хронологическом порядке. Мне кажется, что каждое событие сегодняшнего дня связано невидимой ниточкой через нас с конкретным событием в прошлом, поэтому память так избирательна. Порой эта связь очевидна, а иногда практически не видна. Попробую провести некие параллели между свежими событиями и далекими в своих рассказах о студенческих и детских годах. . .

Глава 1. Эх, детство

– время золотое

Мой отец, Юрий Логинович, трудился с пятнадцати лет. Шла война, и он как мог, помогал своим родителям. Семья у них была не маленькая, более десяти человек, правда, в те времена это считалось обычным явлением. Лично я знал только свою бабушку Орину, мать моего отца, и его родную сестру Екатерину. Она жила с мужем Анатолием и сыном Владимиром – моим погодком, в поселке Нерль. Наше семейство переехало сюда из деревни Бушарихи, расположенной в десяти километрах от него, когда мне исполнилось три года. Причем поселились мы в новеньком рубленом хоть и небольшом, но своем доме, который построил мой отец практически собственноручно. После рождения меня и младшего брата Виктора жить в одной комнате в деревеньке с бабушкой стало тесновато. Вот родитель и решил несколько улучшить жилищные условия своих близких.

Рабочий поселок состоял из частных в основном деревянных одноэтажных домов. Правда, ближе к центру стояли и несколько «казенных» двухуровневых каменных зданий. «Казенными» их называли потому, что они принадлежали толи ткацким фабрикам, коих имелось целых две, толи государству. Всего проживало около двух тысяч человек, в

основном рабочих фабрик и МТС. Последняя аббревиатура обозначает машинно – тракторную станцию, которая обслуживала техникой местные колхозы. В центре поселка находился промтоварный магазин, где можно купить почти любую вещь для дома и хозяйства. Продовольственные лавки с нехитрыми продуктами разбросаны по разным частям Нерли для удобства проживающих здесь граждан Великой страны. Такое странное название селения имеет явно мордовские корни. Кстати сказать, в трех километрах от поселка протекает одноименная речка. Со всех сторон поселок окружен смешанными лесами, в коих прячутся и редко встречающиеся дикие животные, и небольшие деревеньки. Обычная российская глубинка...

Бабушка Орина, мать отца, меня открыто не любила и, надо признать, для этого имелись существенные причины... Некоторое время она жила с нами в одном доме, построенном ее сыном на месте старого развалившегося семейного жилища. Человеком она казалась верующим: хорошо помню, как по утрам и вечерам читала молитвы перед небольшими деревянными иконами. При этом стояла с очень строгим и сосредоточенным взглядом, обращенным в молитвенник, и что-то тихонько бормотала про себя. Наше присутствие ее никогда не смущало... Родительский дом имел всего одну комнату, она же являлась и спальней. Правда, имелась еще маленькая кухонька, основную площадь которой занимала большая кирпичная печь, покрашенная белой известью, с ле-

жаком. На нем любила спать бабушка. Как раз на кухне в углу и стояли эти иконки под самым потолком на деревянной полочке, которую заботливый сын специально соорудил для своей родительницы. Если говорить о вере моего отца и выразиться максимально деликатно, то сам он крестик под рубашкой никогда не носил. По крайней мере, я не ни разу видел...

Имелся, конечно, и большой не отапливаемый двор, пристроенный к дому сзади, в нем обитали куры во главе с красивым и крикливым петухом. Другой домашней живности я как-то не помню, если конечно не считать собаки, проживающей на улице в конуре и независимого и свободного красивого кота. Особей женского пола мать не воспринимала – «наплодят котят, а топить в воде некому, все жалостливые»... А справа к дому примыкала терраса, в которой тоже не отапливалось, зато стоял большой старинный сундук. В нем хранилось «ненужное барахло», то самое, что жалко выбрасывать. Вдруг когда-нибудь для каких-то целей и понадобится. Однако и я любил в нем порыться, по сути, втайне от родителей. Правда, вряд ли бы они меня отругали, если бы даже застучали за этим занятием. Старинные платья, мужские пальто, непонятные предметы, назначение которых порой неочевидно, старые фотографии в рамках под стеклом, безусловно, казались интересными подрастающему и любопытному отроку.

Учиться меня определили с семи лет в местную старую

деревянную школу в два этажа. Правда, в ней находились ученики до четвертого класса, а затем всех переводили в другое учебное заведение, расположенное в центре селения. То здание больше по размерам и сложено из красного кирпича. Именно отсюда десятиклассников направляли в самостоятельную как правило рабочую жизнь... Как и везде по огромной стране существовали детские патриотические общественные организации. Вместе с другими одноклассниками в третьем классе меня приняли в пионеры. В советских школах данное значимое событие происходило при достижении девяти-десяти лет. И неокрепшим детским душам открыто и навязчиво прививался атеизм. Только за это с высоты прожитых лет я имею право не очень любить советскую идеологию. Зато тогда с засоренными мозгами придя домой из школы по зиме, и, видя, что никого нет дома, я забрал все иконы бабушки, шесть или семь штук. Как помню, они небольшого размера, на вид довольно старые. Я вынес их на улицу и положил в снег на большак, как тогда называли проселочные дороги. Проезжающий гусеничный трактор раздавил иконки на мелкие кусочки. Кстати сказать, водитель трактора их, наверное, не видел, ведь сверху я иконки присыпал снежком. Самое обидное для матери отца оказалось то, что меня за это не наказали, вообще никак, сам не знаю почему....

Удивительно, но в настоящее время я сам стал реально верующим человеком. Часто приходилось слышать вопрос,

что же подвигло меня к вере в Бога. А как не уверовать в тех условиях, ставшим образом жизни, когда ты один в четырех каменных стенах, без крошки пищи в желудке? В карцерах я принципиально не кушал, только пил воду из крана. Если не верить органам чувств и зрения, а просто знать, что рядом находится невидимый Ангел-хранитель и даже... сам Господь, то все невзгоды переносятся значительно легче. Вера помогает принять и очевидную несправедливость обвинения. Беззаконие не кажется таким обидным и незаслуженным. Конечно, можно взывать к Небесам: «За что Ты со мной так, я же не виноват?», тогда злоба реально наполнит сердце. Вся суть, мне кажется, в правильной постановке вопроса, тогда получишь и правильный ответ. Если спросить: «Ради чего мне посылаются такие скорби? Какое благодеяние через них ты уготовил мне, Господи?». Тогда ответ придет сам собой – «Ради того, чтобы уверовал и не потерял то, что для тебя назначено Отцом Небесным». Впрочем, веру в Бога навязывать никому нельзя, это дело каждого – верить, не верить...

Как все рабочие люди отец любил выпить, в свободное от работы время. Но маме это все равно не нравилось, как любой другой женщине и он, не желая ее обижать лишний раз и выслушивать упреки, искал «нестандартные» пути удовлетворения своей жажды. За десять километров от поселка, в небольшой деревушке Бушариха, где я и родился, проживала моя бабушка, которую я упоминал чуть ранее, по линии ма-

тери Прасковья Павловна – женщина пожилая, но с трезвым мышлением и хорошим чувством юмора. Кстати сказать, с этой прародительницей мне реально повезло – она любила меня так, как только может любить бабушка и никто другой.

Как то под Новый год глава нашего семейства предложил мне съездить с ним на лыжах в лес за елкой. Я, не понимая коварного замысла, конечно, согласился. Надо сказать, что этот праздник для меня являлся самым главным. Нарядная елка дома, обязательные подарки для детей придавали этому событию особенную значимость. Прекрасное настроение появлялось уже в преддверии праздника. А мой день рождения, например, никогда вроде и не отмечали. Даже вообще забывали порой, все члены семьи, включая и меня самого. Кстати сказать, по прошествии лет я думаю это правильное отношение к данному событию. Может быть, следует отмечать какие-то «круглые даты» – юбилеи, не более того.

В тот зимний, морозный день мы долго бродили по волшебному лесу. Огромные березы, сосны и ели стояли украшенные снеговыми шапками в какой-то чарующей тишине, присущей только глухой чащобе. Через кроны деревьев еле пробивался свет, тем более что день выдался пасмурным. Снега в те времена выпадало много, а в лесу он казался довольно глубоким и рыхлым. Поэтому и я, и отец передвигались на довольно широких лыжах, привязанных к валенкам веревками. Тогда многие даже и не знали о существовании подобного спортивного инвентаря с ботинками и специаль-

ными креплениями.

По ходу движения мы почему-то неизменно приближались к Бушарихе, хотя лес там не хуже и не лучше, чем прямо за поселком. Даже когда нашли подходящую елочку, то рубить ее сразу не стали, мол, заберем ее на обратной дороге, заверил родитель, а попали... прямо к родной Прасковье Павловне. Естественно, мы оба замерзли, в те времена зимы бывали всегда морозными, не то, что сейчас. Само собой разумеется, что Юрий Логинович попросил у своей тещи «напитку для согреву», зная, что у бабки самогон всегда водился.

Жила она одна – дров привезти, наколоть, приходилось просить мужиков, а они брали плату только «напитком». Как «правильная» теща, немного поворчав для порядка, но без особого сопротивления бабуля сдалась и принесла бутылку первача. Отец, выпив залпом сто пятьдесят – двести граммов, подобрел. Много шутил, смеялся, а затем вышел на улицу покурить. Бабка, зачем-то ушла на минутку в комнату, и я на кухне оказался один. Между тем, в отцовском стакане осталось немного самогона, и я глотнул крепкого первача, полагая что «никто не узнает и не заметит». Так впервые мой неокрепший организм попробовал алкоголь. Вкус мне определенно не понравился, а как относиться к явно изменившемуся душевному состоянию я тогда еще не знал...

Глава семейства к подобному «действию» подходил очень строго, и своим детям внушал не прикасаться к крепким на-

питкам вообще никогда, называя их ядом. Эх, еще бы подтверждал это утверждение личным примером... Кстати, даже при таком воспитании до двадцати пяти лет я выпивал очень и очень редко, отдавая предпочтение спорту. А в тот день, для моих одиннадцати лет глоток бабкиного зелья оказался перебором. Когда шли на лыжах домой, я – позади отца, помню, как искрился и скрипел под лыжами предновогодний снег, видел спину отца и какие – то круги перед глазами, которые приближались, множились и вертелись вокруг меня. Голова кружилась вместе с ними, и, в конце концов, я упал, воткнувшись в глубокий снег. Освободить ноги от лыж не смог, кричать – тоже, да и руки совсем не слушались. Хорошо, что отец обернулся, увидел меня «в позе напуганного страуса», вытащил из сугроба и водрузил, словно кулек с песком, себе на спину вместе с лыжами. В общем, за елкой он съездил на следующий день и без меня. И я так и не понял – заметил родитель причину моей «чрезмерной усталости» или нет, но наказания и даже разговора на эту тему опять же не последовало...

...Как порой не хватало мне в тюрьме, для снятия стресса глотка бабкиного чудного лекарства! Однако не могу сказать, что я вел там абсолютно трезвый образ жизни, время от времени алкоголь у нас появлялся. Тюремные специалисты умудрялись за одни сутки из черных хлебных корок и сахара приготовить сорокаградусный напиток хорошего качества. Но случалось это не так часто, как хотелось. А сей-

час пока сижу на деревянном настиле вместо кровати, голодный в холодном каменном мешке и надеюсь на то, что рано или поздно наступят лучшие времена. Без веры в эти самые «лучшие времена» в тюрьме можно сойти с ума, а в карцере с гарантией...

Надо прямо сказать, что рос я, как тогда говорили, большим баловником. Хорошо помню, как однажды по весне, мы – мальчишки от семи до двенадцати лет, решили покататься на льдинах по любимой нами речке Нерль. Когда наступал ледоход, обломки льда разного размера не спеша плыли по течению; некоторые – близко к берегу, на них можно без труда запрыгнуть. Для управления природными плотами служили сломанные сухие и не очень толстые деревья, стоявшие вдоль реки. Нас оказалось тогда шесть друзей, со мной как всегда средний брат Виктор. Снег в основном уже сошел, но свежая трава еще не проросла, и деревья стояли «голые» и не такие красивые как по поздней весне. Впрочем, уже ласковое солнышко прогрело воздух до пятнадцати градусов тепла и все оделись довольно легко.

Катались весело, но как это обычно бывает, оказались «по самые уши» в ледяной воде. Опыт выхода из экстремальных ситуаций у всех имелся: разожгли костер на Воробьевых горах и стали греться и сушить одежду. Крепили ее на палках и держали над огнем. При этом стояли в одних «семейных» трусах, приближаясь к костру на максимально возможное расстояние. В общем, не холодно, да и подобные при-

ключения подростков во все времена привлекали возможностью ощутить независимость от взрослых.

В детских компаниях всегда находился кто-то, считавший себя старшим и почти взрослым. У нас им являлся Мишка Саватеев. У него всегда имелись сигареты и спички – главный признак «взрослости». Пацанам, признающим его старшинство, Мишка внушал, что родители проявляют лояльность к его табачным увлечениям. И мы почему-то ему верили. Возле костра сигарета пошла по кругу и вскоре дошла до Вовки Снагина, самого младшего из нас. Вдруг его глаза округлились от ужаса, а сигарета, которую он почему-то пытался выплюнуть, намертво прилипла к выделениям из носа. Все непроизвольно поглядели туда, куда и он... А там стоял отец с велосипедом и, как мне показалось, хитро и мстительно улыбался. Однако он спокойно приказал мне и брату: «Домой!».

И мы пошли, опустив головы, понимая неизбежность кары. По «сидячему месту» заранее бежали мурашки, и когда они достигли моего детского мозга, то в нем созрел план, и появилась надежда. Я с детства рос «мастером» различных тактических хитростей. Тихонько чтобы не слышал отец, шепнул восьмилетнему брату:

– Как подойдем к дому, ты беги, а я один потерплю эту порку. Чай, не первый раз.

Брат, оценив мое «благородство», согласился и, подойдя к хате, быстро побежал, а я остался на месте будущей «казни».

Но, как и надеялся, сработал «охотничий инстинкт» отца, и он на велосипеде, показательно не спеша поехал за неразумной жертвой. Стоя у калитки, я видел, что страх добавил брату скорости, и он закончил первый круг по двум соседним улицам лидером возникшей гонки. А я использовал запрещенный прием – крикнул, что отец догоняет, и брат рванул на второй круг с еще большим усердием. Но не зря кто-то изобрел колесо, подарив человечеству скорость, и незадачливый беглец был вынужден сдаться. Когда отец за шиворот, словно щенка, притащил Виктора к дому, он на правах «маленького» сразу «сдал» меня назвав инициатором побега. Отец все понял, долго в результате смеялся, зато наказания в этот раз нам удалось избежать.

...Не случайно, думаю, этот случай вспомнился в следственном изоляторе. Он как то ассоциировался с моей жизнью в девяностых годах, после увольнения из милиции. Обдумывая свое положение и причины, которые привели меня сюда, я понял – мой образ жизни представлял собой такое же ненадежное плавание, которое в детстве закончилось падением в воду, а теперь тюрьмой. И так же, по большому счету, удалось избежать серьезного наказания. Само нахождение в казематах на улице Болотной таковым по закону не является – это ожидание кары, пусть и несправедливой, как показало время....

Хорошо помню еще один случай из детства. Русский язык и литературу в нашей школе преподавала прекрасная учи-

тельница – Кукушкина Лидия Павловна. Ученики иногда бывали у нее дома в гостях. Она охотно знакомила с домашней библиотекой, угощала яблоками из своего сада. Однако оказалась у нее неизлечимая болезнь – рак крови или, как в народе говорили, белокровие. Конечно, она об этом никогда своим ученикам не рассказывала и в одночасье тихо умерла. Все воспитанники пришли провожать ее в последний путь. А я где-то прочитал, что по истечению сорока дней из могилы начинает выделяться фосфор, и в темное время суток видно свечение. Столь обширными познаниями я поделился с друзьями, и мы решили на сороковой день ночью навесить любимую учительницу. Решились на столь безумный поступок пять-шесть пацанов в возрасте одиннадцати – тринадцати лет. Кладбище находилось в трех километрах от поселка Нерль, в лесу возле деревни Пырьевка. Возможно, Лидия Павловна там ранее жила.

И вот около полуночи мы по железной дороге, точнее по шпалам, под которые приходилось приспособливать шаг, подошли к деревянной ограде кладбища. Надо сказать, что справа и слева от нашего движения, плотной стеной стоял смешанный лес. В это время суток он выглядел довольно мрачно, несмотря на небо, усыпанное яркими звездами и излучающий отраженный свет полумесяца. Середина лета, на улице достаточно тепло, соответственно, и одеты все в легкую одежду. Калитку искать не стали, перемахнули через деревянный невысокий забор. Конечно, с собой у нас оказа-

лось несколько фонариков. Долго ходили меж могил, стараясь найти заветный холмик, и наконец, поиск увенчался успехом. Однако никакого свечения над местом захоронения не оказалось, и мы разочарованные поплелись обратно.

Я знал несколько «страшных» рассказов, суть которых сводилась к тому, что в конце страшилки необходимо перейти на шепот, и внезапным для слушателей криком, озвучить концовку. Обычно слушатели непроизвольно вздрагивают, иногда даже вскрикивают. Рассказывать подобные истории я любил и умел. Пока мы шли по мрачному месту к заборчику, я начал очередную байку. С нами увязался самый младший по возрасту и маленький по росту Витя Шенягин, который сам решил всех напугать. Не дожидаясь финала моего рассказа, он внезапно, что есть мочи заорал. На моей голове красовалась настоящая солдатская пилотка – тогда для ребят моего возраста это был самый модный головной убор. Как и где мы их доставали – отдельный разговор. Никогда бы не подумал, что волосы обладают своими «мышцами», и когда человек пугается, способны поднять головной убор сантиметра на два. Но оказалось именно так.

Все рванули в сторону поселка, забора даже не заметили, просто перелетели. Только Шенягин преодолеть препятствие смог с большим трудом, порвав при этом одежду. Три километра вдоль железнодорожных путей пробежали со скоростью локомотива, и оказались на окраине поселка в безопасности, ... а Виктора-то нет! Пошли назад, ему навстречу.

Примерно на половине пути увидели «явление народу». Оно еле двигалось по шпалам в порванных штанишках, испуганное и зареванное. «Прежде, чем пугать других, не напугаться бы самому», – подумал я...

...Сидя в карцере и вспоминая эту детскую историю, почему-то пришло на ум странное совпадение. Следователь Костина тоже пугала нас огромными сроками и предлагала «пойти на сделку со следствием», чтобы его уменьшить. Пугала, пугала, а в итоге напугалась сама, когда нас полностью оправдал областной суд. Ведь она рисковала потерять все, в том числе и свободу. Но кто – то нажал на нужные кнопки, и следачка отделалась «легким испугом». Если так можно назвать загубленную карьеру. Она сдала экзамен на должность федерального судьи и вот-вот должна получить направление в одно из учреждений Фемиды. Однако развалившееся в областном суде «наше дело» не позволило этим планам осуществиться...

Атеизм, который нам прививали в школе, зачастую порождает вседозволенность, особенно тогда, когда «никто не видит, и никто не узнает». Прямо напротив нашего дома № 36 по улице Октябрьской находился искусственный пруд. Его в целях пожарной безопасности вырыли экскаватором рядом с детским садиком. Иногда мы в нем купались, несмотря на мутную воду. А зимой для нас это и каток и хоккейная площадка одновременно. Как-то летом я увидел на берегу водоема стаю воробьев, весело чирикающих и иг-

рающих между собой в густой и достаточно высокой траве. Всего около тридцати летающих озорников, впрочем, никому не мешающих. На улице лето, прекрасная солнечная погода, которая очевидно радовала не только людей.

А во мне проснулся охотничий азарт. Тихонько пробравшись под обрывом берега, я поднял попавший под руку камень и кинул его в самую середину воробьиной стаи. При этом явно допускал, что могу покалечить или даже убить одного, а то и двух летающих непосед. Странно, но в душе даже желал этого... Птички с шумом улетели, однако не все – один оказался подбитым. Он беспомощно бился на земле и не мог взлететь. Я подошел, взял его на руки и... заревел, видя результат своего неразумного поступка. В свои одиннадцать-двенадцать лет я никак не мог понять, почему и зачем искалечил живое существо, которое плохого мне ничего не сделало. Ведь я любил всех животных, ну, кроме змей, к которым всегда питал неприязнь и даже испытывал ужас при их виде. Серого подранка со слезами на глазах принес домой, положил перед ним хлеб и воду, надеясь что он выживет и я, таким образом, искуплю свою вину. Но к вечеру птичка умерла...

...Тогда я не задумывался о том, что зло причиненное другим рано или поздно возвращается «по закону бумеранга». И все про это вроде бы знают... Как правило, оно вспоминается тогда, когда сам начинаешь страдать от него или, когда есть время для размышлений, как в моем случае. Ведь

вспомнил про этот постыдный для меня поступок не где-нибудь, а в карцере тюрьмы. И думается мне – это опять же не случайно. Словно кто-то Всевидящий и Всезнающий нравоучительно произнес:

–Говоришь, сидишь без вины и несправедливо, а вот к этому как относиться?

Невольно задумаешься, а может быть то, что со мной сейчас происходит и есть та самая Высшая справедливость?...

Почему-то всплыла в памяти именно здесь и первая настоящая физическая боль, которую пришлось испытать. Исполнилось мне тогда лет двенадцать – тринадцать, а может и меньше. Прямо напротив нашего дома, за дорогой и рядом с прудом, машинно-тракторная станция (МТС) строила для своих рабочих целый микрорайон двухэтажных кирпичных домиков, каждый на два подъезда, для двенадцати семей. По воскресеньям строители отдыхали, и для нас, подростков, недостроенные дома являлись своеобразным полигоном для детских шалостей. И в прятки там играли, и в войну – одни защищали «крепость», другие атаковали ее. Причем применяли как «огнестрельное» оружие, палившее звуками, издаваемыми губами, так и холодное – деревянные мечи. Выработывались определенные правила – убит, ранен или мимо. Конечно же, они частенько оказывались спорными, и доказывать свою правоту приходилось криком, в очень редких случаях перерождавшимся в драку.

Про редкость конфликтов среди близко знакомых паца-

нов я, конечно же, рассказал правду. Однако причиной их возникновения мог послужить настолько малый повод, что стыдно и вспоминать... Однажды в летние каникулы примерно в этот же описываемый период у меня, пацана претендующего на роль лидера «детской банды», произошел спор с одним из ее членов и моим ровесником Вовкой Сизовым. Предметом послужил возраст нашего одноклассника Владимира Озерова по кличке «Арбуз». Сизов утверждал:

–«Арбуз» родился в 1954 году. Он старше нас почти на год.

Поскольку тот учился со мной в одном классе, я возразил:

–Не может этого быть, он наш погодок.

Кстати сказать, сам Озеров, довольно крепкий и высокий подросток стоял чуть в стороне с другими пацанами и наш спор не слышал. «Сизый» как-то вредненько ухмыльнулся и предложил:

–Давай спросим у самого «Арбуза» и если ты не прав, то...вызови его драться один на один.

–Согласен, – заявил я и направился в сторону Озерова. Мой оппонент засеменял следом.

– «Арбуз», ты с какого года? – бесцеремонно прозвучал вопрос.

– С пятьдесят четвертого, а что?– ответил ничего не подозревающий одноклассник.

–Тогда пошли, выйдем один на один, – резко заявил я, раздражаясь на себя, что так глупо проиграл спор.

Что интересно, человек, будучи выше меня почти на голову и вполне уверенный в своих силах даже спрашивать не стал о поводе, а кратко ответил:

—Давай!

Вся наша кампания, человек восемь-десять молча двинулась по улице Нерльской, где мы проводили большую часть свободного времени, в сторону лесной посадки вдоль железнодорожного полотна. Когда перешли «железку» и никого из посторонних за версту оказалось не видно, образовался стихийный круг болельщиков. Ставок на того или иного бойца тогда никто не делал. Малы еще были... Я и «Арбуз» стояли друг напротив друга, не решаясь ударить первым. Членам поселковой «банды» сие пассивное стояние не нравилось, и они всячески призывали нас начать битву. И вдруг она началась... Беспричинная, неистовая, с криками и обидами, когда удар соперника оказывался сильнее ожидаемого. Кто ударил первым, я не помню, но били мы друг другу кулаками по лицу со всей силой. И никто не падал, оба стояли на ногах. Когда устали, по обоюдному согласию взяли небольшой перерыв. Затем равный бой продолжился с новой силой. Выложившись до полного изнеможения, мы согласились на ничью... Никаких обид друг на друга, конечно же, не осталось.

Для подъема кирпичей на второй этаж недостроенных домов строители использовали электрический подъемник типа «Пионер». Представлял он из себя небольшую лебедку

с небольшой металлической стрелой, через которую пропущен трос с крюком на конце, закрепленную на платформе. Устройство позволяло стрелу поворачивать влево и вправо. Один умелец, мой друг и погодок Колька Петухов, умудрился изготовить приспособление из проволоки для включения электродвигателя подъемника. Можно ухватиться за крюк на тросе и подняться прямо на второй этаж, а при обратном включении – вернуться на землю. Почти полет с помощью электрической тяги. Главное чтобы не сорваться вниз в свободное падение. Присутствовал еще Вовка Сизов, который и управлял включением и реверсом лебедки. Но что-то пошло не так в то время, когда я довольно быстро начал подниматься к небесам...

Подъемная машина вовремя не выключилась, тонкий трос оборвался и я стремительно, без парашюта, приземлился на кучу новых белых кирпичей. При этом непонятным образом левая рука оказалась под задним местом и приняла на себя всю силу удара. Неимоверная боль пронзила тело, а когда я посмотрел на свою конечность, увидел самый настоящий перелом. Рука выглядела неестественно кривой. Произошло сие событие около шестнадцати часов дня в воскресенье. Прибежал домой, мама сразу потащила меня в поселковую больницу, где трудился единственный хирург по фамилии Коломин. Странное совпадение, но именно в его дочку в школьные годы я оказался по-детски влюблен. Свой законный выходной врач проводил на рыбалке, значит, при-

дется терпеть невероятную для ребенка боль до понедельника...

А родителям утром в пять часов необходимо идти на работу, на ткацкую фабрику в селе Кибердино, расположенном в двух-трех километрах от нашего дома. Весь вечер и ночь я просидел на кухне за обеденным столом при включенном свете и при этом тихо постанывал. Отец пытался спать, а мать каждый час вставала и проверяла мое самочувствие. А оно практически отсутствовало... Физическая боль реально сильная, казалось, что от руки она расползлась по всему телу, заполняла все его органы, включая голову, ни на минуту не давая возможности забыться. Шину наложить никто не догадался, хотя она могла бы облегчить страдания, и я терпел, как мог, что называется из последних сил. Впервые в жизни появилась спасительная мысль, что рано или поздно это все закончится...

Она, кстати, помогала мне и позже, к тому же неоднократно, когда становилось нестерпимо тяжело или больно. Практически не поспав, Юрий Логинович на работу все-таки ушел – в те времена нарушители трудовой дисциплины наказывались очень строго, а мать решила на прогул. В восемь часов утра мы уже сидели в больнице, ждали, когда проспится мой несостоявшийся тесть. Он оказался высоким и широкоплечим мужчиной с доброй улыбкой, а белый халат добавлял ему доверия с моей стороны. Привязав за плечо полотенцем пострадавшую конечность к ручке двери ме-

дицинского кабинета, хирург неожиданно для меня с силой дернул за кисть. Что-то хрустнуло, боль пронзила насквозь все тело, но зато рука приобрела более естественный внешний вид. До сих пор помню, что при падении случился перелом лучевой кости руки. А ответ на вопрос – правой или левой память не сохранила. Доктор наложил временную шину и повел в рентгеновский кабинет – проверить результат своего труда. Однако он ему, видимо не понравился. Ничего не объясняя, доктор снял шину, и попросил опереться больной рукой о стол. Да даже не опереться, а просто положить ее под углом на стол и... конечность вновь стала совсем кривой со всеми сопутствующими ощущениями. Вторая попытка поставить кость на место оказалась более удачной. Наложили гипс, и целый месяц я гулял, как раненый боец, с подвешенной на бинтах рукой.

...Когда закончил описывать этот случай, задумался... Мысль развивалась вслед за дальнейшими размышлениями о справедливости. Не той – субъективной, человеческой, а Высшей, порой для нас непонятной. Сделал когда – то больно другому, не возмущайся, когда и самому станет больно... Интересно воробушек, которому я умышленно сломал крыло, так же страдал или гораздо сильнее? Мелькнула догадка: может это наказание небес за загубленную птаху? Или за иконы, брошенные под гусеницы трактора? Или за какой-то другой неблагоприятный поступок, который и в голову-то пока не приходит? Но ведь все люди, за редким исклю-

чением, совершают иногда явные нарушения десяти библейских заповедей. Получается, что человечество постоянно терпит наказание от Бога? И в чем тогда смысл, что он создал нас такими? Дал нам свободу выбора в поступках, а теперь наказывает? Уснул я на жестких деревянных нарах с мыслью, по-видимому, методом «кнута и пряника» Он делает нас лучше, спасает от самих себя...

...Однако наша детская банда не только хулиганила, а и занималась иногда общественно полезным трудом. В возрасте двенадцати-тринадцати лет в поселковой библиотеке, а посещал я ее регулярно, взял почитать книгу «Тимур и его команда» Аркадия Гайдара. Прочитал сам, дал почитать друзьям, ...и решили мы продолжить инициативу главного героя. В команду вошли все самые близкие друзья – Мишка Снагин, Колька Петухов и мой брат Виктор. Само собой я во главе. Акции наметили с учетом времени года и наших детских возможностей. На дворе конец апреля, вот-вот наступит сезон массовой посадки картофеля. Ночью, чтобы тайное общество не оказалось раскрытым, вскопали своими лопатами землю на огородах пожилых людей. Правда, участки отобрали только те, что находились перед домом, а не за забором. Одна неблагодарная старенькая женщина, не поняв благородства нашего поступка, написала заявление поселковому участковому. Мол, «незнакомые граждане пытаются отнять у меня участок земли и уже вспахали его»... Тогда я впервые понял, что добро почти всегда наказуемо. Ти-

муровская команда прекратила существование...

И я, и все мои друзья любили животных, а лошадей так просто обожали. Прокатиться на спине одной из них являлось мечтой любого подростка. У меня появилась идея, естественно, ее озвучил всем бывшим «тимуровцам»:

– Пацаны, давайте на летние каникулы устроимся работать в колхоз на конюшню. И денег заработаем и на лошадях покатаемся досыта.

Замысел понравился, никому и в голову не пришло, что в таком возрасте на работу никто не возьмет. Однако выбрали колхоз поближе к поселку и явились к председателю. Его кабинет нам показался большим, а сам он очень важным. Дрожавшим голосом я заявил:

– Дяденька председатель, возьмите нас на работу, на конюшню не пожалеете...

– Ну, взять вас официально я не могу, малы больно. Да и конюх у меня есть. Но я могу его попросить, чтобы разрешил вам помогать ему. Будет от вас польза, немного и денег дам. Приходите завтра часикам в восьми утра прямо на конюшню.

Большого-то нам и не надо. Еле дождались следующего утра. Прибежали минут за двадцать до назначенного времени, страсть как поработать хотели. Конюх дядя Вася, мужчина, лет шестидесяти с доброй улыбкой на лице выдал каждому из нас вилы и деревянные носилки, показал стойло, из которого мы должны вычистить конский навоз, скопивший-

ся за зиму. Взялись за дело бойко, но часа через три силы кончились. Сидели на улице, грустили, глядя на лошадей, которые паслись поблизости на лугу...

Конюх понял наше состояние и предложил:

– Мальчишки, хотите для отдыха, вам разрешу на лошади верхом покататься?

Я с гордостью поглядел на друзей, мол, я вам говорил и солидно ответил за всех:

– Только вы уздечку сами одените как надо, чтобы управлять конем.

Дядя Вася привел пару самых тихих старых лошадей с прогнутыми от возраста спинами. Снарядил их, как мы просили, только без седел и подвел к телеге, стоящей на улице, чтобы мы могли взобраться на высоченное животное. Я и Колька Петухов уселись первыми, ногами обхватили теплые лошадиные бока. Закричали дружно:

–Но!

Команду сивки бурки выполнили и не спеша пошли, переваливаясь с боку на бок. Уздечек слушались, нужные повороты выполняли, но бежать галопом не хотели ни за какие коврижки. Да и не было у нас никаких заманчивых для добродушных животных «коврижек»... Накатавшись и попив водички с колодца, вновь принялись за тяжелую работу. Вилы втыкались в навоз уже неглубоко, а положить его на носилки становилось все сложнее.

Однако мы так легко не сдались, пришли и на другой день

и на следующий. Среди небольшого табуна выделялась молодая, судя по бодрому шагу и внешнему виду лошадь черной масти. В очередной перерыв я спросил у конюха:

– Дядя Вася, а можно мне вон на той лошади прокатиться?

Конюх засмеялся и ответил:

– Вообще-то это конь, а не лошадь. И он не любит, чтобы на нем сидели. Сильно строптивый, может и скинуть с себя ездока, покалечить.

Мы продолжили трудиться. При этом внимательно осмотрели весь табун. Разницу между конем и лошастью поняли, как и то, что жеребец-то всего один. Конюх куда-то ушел, а мы сами одели на коня уздечку и подвели к телеге. Он-то, наверное, думал, что его запрягать хотят и не сопротивлялся, а когда я вскочил на спину, взбрыкнул. Сначала подпрыгивал задними ногами, пытаясь меня скинуть с себя. Затем метнулся вправо-влево, но я цепко держался ногами, опыта-то я уже набрался. Кстати сказать, седла на конюшне мы даже не видели. Поняв, что имеет дело с упрямым ездоком, конь рванул в галоп. Как я быстро летел по травяному полю, земля мелькала перед глазами, адреналин просто зашкаливал. Конь промчал не менее двух километров почти до леса и перешел на шаг.

По моей команде развернулся, я дернул уздечку на себя, требуя увеличения скорости, и мы поскакали обратно. У конюшни перед стоящей телегой виднелась не очень глубокая канава. Рядом стоял вернувшийся дядя Вася. На его гла-

зах конь в прыжке перемахнул через яму и как вкопанный встал у телеги. Я по инерции чуть не перелетел через голову строптивца, но удержался и слез с него по своей инициативе. Впоследствии конюх еще несколько раз позволил мне прокатиться на сильном красавце. Удивительно, но тот меня слушался и выполнял все команды. Дядя Вася сказал:

– А ты молодец! Ты его объездил. Только председателю не говори, а то мне попадет.

В итоге покатались-то на славу, а очистить от навоза за целую неделю смогли лишь два стойла. На большее сил у нас не хватило, и мы...явились вновь к председателю за расчетом. Похвалил нас начальник за труд, а меня и за то, что смирил коня, дядя Вася все-таки проболтался, дал на прощание денег, но...их хватило только на конфеты...

Отец длительное время работал помощником мастера на кибердинской ткацкой фабрике в соседнем селе, мать Александра Яковлевна, там же – ткачихой. Чуть больше ста рублей в месяц получали они от государства, самого богатого, сильного и гуманного в мире. Что на эти деньжонки можно купить трем мальчишкам, которым хотелось и велосипед, каждому свой, и лыжи, и коньки... Одежду братья донашивали после меня, так как мне повезло родиться первым. Средний брат Виктор появился через три года, а Андрей – через целых восемь. Помню в магазин поселка Нерль, где мы проживали, привезли коньки на ботинках, моего размера. Мне стукнуло примерно тринадцать лет, столько же сто-

или и они – целых тринадцать советских рублей, и позволить мне такого подарка родители не могли. Но после того как я увидел подобное достижение цивилизации, кататься на валенках с коньками – снегурками на веревках, уже не мог. Мать, видя страдания старшего сына, сделала, как бы сегодня сказали коммерческое предложение. В летние каникулы по утрам я должен собирать пустые бутылки из-под водки и отдавать ей. Выручка целиком поступала в мой карман. Такой заключен устный договор...

И все лето, пока друзья еще все спали, в восемь часов утра я на велосипеде объезжал места, где обычно любили выпивать мужики из рабочего поселка. Мог встать и раньше, боясь, что другие охотники за пустыми бутылками лишат меня мечты, которая с каждым днем приобретала все более реальные контуры. Приезжал сначала в центр в поселковый парк: там под каждым кустиком, прямо на газоне иногда организовывалось застолье. Как радовала детский глаз лежащая в густой траве, еще покрытой утренней росой, эта зеленая или прозрачная тара! Затем – железнодорожный вокзал; там тоже что-то вроде парка, да и лавочки для людей, ожидающих поезда, зачастую использовались не только по прямому назначению. А домой возвращался по установившемуся маршруту, вдоль железнодорожных путей, по обе стороны которых находились лесные посадки, места, щедро пополнявшие мою добычу. Мамка договор соблюдала, и в моей импровизированной копилке появились настоящие советские день-

ги. Точно помню, не было в душе стремления накопить их больше стоимости заветных коньков на ботинках красного, любимого мною цвета. В общем, к осени мечта сбылась...

Возле леса, километрах в двух от поселка, еще летом я заметил овраг с водой. В самом селении пруды находились в нескольких местах. Однако мы почему – то любили кидать камни в первый лед, стараясь пробить его, и сильно повреждали ледяную гладь. Рано поутру, как только установился первый ледок, я один с новыми коньками рванул на овраг – испытать радость катания по нетронутому перволедью. С одной стороны оврага стоял густой смешанный лес, с другой – колхозное поле, за которым виден наш поселок. Я выписывал замысловатые круги все увереннее и увереннее, оставляя после себя резаный след, а душа ликовала. Лед слегка потрескивал и прогибался под весом тела, но страха провалиться в воду не ощущал. Сейчас мне совершенно очевидно, что именно так выглядит простое, настоящее счастье, а не куча денег в закромах! Второй вывод, сделанный мною много позже, конечно, весьма спорный – богатый человек счастливым быть не может априори, хотя бедному порой, кажется наоборот...

...С каким удовольствием испытал бы я подобное чувство сейчас, когда оказался, ограничен во всем, ... даже в праве на передвижение! Когда каждый день начинается с тревоги, а заканчивается полной безнадегой. Но там свобода, а здесь – неволя. Ведь именно в отсутствии всех благ понимаешь, как

мало порой надо человеку для ощущения счастья на душе... Порой из окна камеры увидишь дерево, даже не целиком, а какую-то его часть и испытываешь необъяснимую радость. Траву по дороге в баню хочется потрогать и погладить, посмотреть на цветы, ну, естественно, в летнее время года. А яркое солнце над головой не через решетку, а на фоне голубого неба? Кстати, в бане обливаясь горячей водой и смывая с себя накопившуюся грязь, тоже испытываешь «праздник на сердце»... Парилки, которую любят большинство мужиков, там, к сожалению нет. Однако «голь на выдумки хитра» – включаешь горячую воду во всех четырех форсунках на максимум и ждешь, пока моечное отделение наполнится паром. Ощущения непередаваемые...

А лыжи отец сыновьям всегда покупал сам, каждому свои, и никогда не ругался, когда мы их ломали, катаясь с крутых гор. А если и ругался, то не сильно. Да если честно и за какие-то более серьезные провинности очень редко наказывал. Лишь иногда, несмотря на его демократичность, я умудрялся добиться ремня. И каждый раз – за дело! Экзекуцию он проводил по следующей схеме: зажимал мою голову своими ногами и по голому месту, на котором сидят, прогуливался несколько раз кожаным ремнем. Порой оставались синяки, и сидеть после этого не совсем уютно. Но не помню случая, чтобы я обиделся на него – наверное, потому что все – таки осознавал справедливость и крайнюю необходимость такого метода воспитания. В книге Виктора Астафьева «Прокляты

и убиты», имеется цитата: «Не за то отец сына бил, что он воровал, а за то, что попадался». Ирония судьбы заключается в том, что я и не воровал, а все равно «попался»...

...И как не хватает подобного ощущения там, в холодном каменном склепе! В смысле – чувства справедливости наших ограничений, навязываемых практически во всем. Ведь я и мои друзья точно знали, что мы невиновны в преступлениях, в которых нас обвиняли. При этом и мы же сами должны свою невиновность еще и доказывать, хотя по закону-то эта обязанность лежит на следствии... Впрочем существует русская пословица «Закон – что дышло: куда повернёшь, туда и вышло». Однажды пришедший в тюрьму батюшка из местного храма, на прием к которому я писал специальное заявление, убеждал меня:

– Ну и что, что вы невиновны в этих деяниях, значит, виновны в других. За них-то вас Бог и наказывает.

А ведь он может и прав, если глубоко задуматься...

Учеба в школе для меня особых сложностей не представляла, хотя определенное трудолюбие приходилось проявлять, особенно в старших классах. Я ежедневно, без давления со стороны родителей, учил уроки, если что-то не понимал с первого раза, перечитывал снова и снова, пока в голове все не вставало на свои места. А вот дружил не с теми, кто хорошо учился, а с ребятами бойкими или, как их еще называли, уличными хулиганами. Бывало, на каникулах возникнет вопрос, кто и как закончил год или четверть. Друзья

начнут хвастать своими двойками и тройками, считая это какой-то лихостью, а я молчал. Мне «хвалиться» оказывалось нечем: в дневнике красовались одни четверки и пятерки... Правда, по поведению за четверть случался неуд, да и то не каждый раз.

Зато в школьных конфликтах между мальчишками я участвовал всегда или почти всегда, во всех драках и разборках, иногда даже в роли их зачинщика. Вообще физически, где то до четвертого класса средней школы рабочего поселка, где проживала наша семья, я считался одним из самых сильных. А вот после летних каникул, придя в школу в пятый класс, увидел, что все мальчишки вытянулись вверх и окрепли, а я как-то остался почти таким же. Однажды даже проиграл в небольшой потасовке парню, которого всегда до этого легко «ставил на место». Тут и выиграло мое самолюбие: каждое утро стал отжиматься от пола, заниматься гантелями, которые где-то нашел по случаю, подтягиваться на крепких сучках деревьев. В итоге статус-кво довольно быстро оказался восстановлен, а заодно, и по физкультуре в дневнике основной оценкой стали пятерки.

Классным руководителем в восьмом и девятом классах у нас была преподаватель физики – Нина Георгиевна Гордеева, серьезная, умная женщина и очень хороший учитель. Она часто мне говорила: «Умная голова, да дураку досталась». Правда, я всегда слышал только первую часть предложения и воспринимал ее как похвалу. Как-то я пропустил по болезни

дней десять, и по всем предметам быстро восстановил свои знания, а по физике не получалось. Нина Георгиевна решила поговорить со мной наедине:

– Вот, погляди, Володя, ты пропустил две важных темы по моему предмету, а на них опираются последующие знания. Поэтому, чтобы подтянуться – либо сам изучи, как следует пропущенный материал, либо оставайся со мной после уроков, будем вместе разбираться.

Гордыня не позволяла принять помощь. Неделю читал и перечитывал я эти главы в учебнике по физике, пока не понял их основательно, и отличные оценки вновь заполнили дневник. Мне всегда нравились точные науки – математика, химия, физика, увлекла и астрономия, но к ней в школе даже у преподавателей превалировало отношение как к второстепенному предмету. А жаль – звезды меня всегда манили....

...К месту сказать – упорство в изучении чего-то непонятного сильно помогло мне и в дальнейшем, когда пришлось сражаться за свою свободу. Только не физически, а интеллектуально. Ведь первые эмоции после прочтения уголовного дела, ощущались какие? «Да вся эта бредятина на суде развалится сама собой». Сейчас-то я точно знаю – не развалилась бы. Жизнь заставила понять «логику» людей, которые, на мой взгляд, ею и не обладали. Впрочем, это критическое замечание не касалось председательствующего на наших судебных заседаниях. Умнейшая женщина, очень грамотный юрист, но... с предвзятым отношением к подсуди-

мым. Она всегда казалась на стороне обвинения. И трактовка вполне понятных законов из ее уст звучала, мягко говоря, непривычная. Ощущение такое, что ввязался в поединок, не поняв его изначальных принципов. Пришлось тщательно изучить «правила игры» своих обвинителей и...научиться достойно, играть «по их правилам». Закон, прописанный в умных книжках, «правоохранители» научились обходить или истолковывать по-своему...

...Поскольку в своей повести я много буду рассуждать о неких параллелях, связующих ниточек прошлого с будущим хочу рассказать следующую историю... Когда наша семья переехала жить из рабочего поселка в областной центр, меня родители определили в школу №54. Правда учиться в ней довелось всего один год, десятый класс, но и за это время я подружился практически со всеми одноклассниками за редким исключением. Самым близким другом оказался Александр Зоренко – симпатичный, веселый и коммуникабельный парень. Учился он не так хорошо, как я, но похоже этот вопрос его особо и не волновал. После окончания средней школы он заведомо определил себе путь обычного рабочего, честно зарабатывающего деньги. Поскольку в школе имелся специальный предмет, изучающий автотранспорт, то после практических занятий по вождению грузовика, любой желающий мог попытаться сдать экзамен на права. Я не захотел, не помню, по какой причине, а Александр документ, разрешающий управлять грузовиком, получил. Поэтому изна-

начально устроился в какое-то государственное предприятие водителем ГАЗ-51 – «советского средне тоннажного грузового автомобиля грузоподъёмностью 2,5 т». Данные в скобках взяты из Википедии...

В момент моей подготовки для поступления в институт он на нем и подкатил к дому, где мы проживали в тот период на переулке Дальний. При этом сделал мне необычное предложение, от которого, однако я не смог отказаться:

– Давай на этом грузовичке в ближайшие дни прокатимся до Палеха. Там говорят можно по дешевке приобрести ценные старинные иконы. Их потом мы можем продать перекупщикам со значительной для себя выгодой.

Читать целыми днями учебники весьма утомительно, поэтому я, особо не задумываясь, произнес:

– А покатили прямо завтра, а то я от избытка знаний с ума сойду. Только как мы определим ценность той или иной иконы?

Александр с улыбкой провел краткий ликбез:

– Да я уже поговорил со знакомыми перекупщиками. Во-первых, доска должна быть без видимых повреждений, лики на иконах тоже; во-вторых, если имеется ковчег по периметру, то это 15-16 век; в – третьих, само дерево должно выглядеть старым... Ну, и размеры – чем больше, тем лучше.

Ответил я так, как и должен отвечать твердый «хорошист», кратко и четко:

–Понятно.

Саня каким-то образом договорился со своим начальством взять машину на целый день, и мы с ним, прихватив с собой небольшую сумму денег, пустились в путешествие за новыми приключениями. На улице лето, жара, а мой друг открыл окна в салоне, и приятный ветерок создавал ощущение полного комфорта.

Когда уже подъезжали к городу Палеху, асфальтовая неширокая дорога шла лесом обычным для средней полосы России с березками, елями, да соснами. Для сердца прекрасная картина – радующая и умиротворяющая душу любого русского человека. Вдруг из чащи выскочил мужик, одетый не по погоде, на теле расстегнутая ветровка, на ногах резиновые сапоги. В одной руке он держал охотничье ружье в чехле, а другой размахивал нам, чтобы мы остановились. Конечно же, Александр взял пассажира, заставив меня сильно потесниться. Пятидесятилетний невысокий, но коренастый мужичок оказался местным лесником и направлялся в тот же город, что и мы. После формально ознакомительной беседы спросил:

– А вы, ребята, зачем направляетесь в наш город Палех?

Саня, без колебаний, ответил:

– Да мы слышали, что у вас старинные иконы можно приобрести, писанные в этих местах. Говорят они сильно красивые.

Ухмыльнулся лесник:

– Вам повезло. Сейчас поедем мимо одной хаты, ...я по-

кажу. В ней живет местный пьяница, Николаем кличут. У него мамка сильно верующая была, да умерла с полгода назад. Так он сам всем предлагает любую икону, а ими в доме все стены завешаны, обменять на бутылку красного вина.

Мы с Александром озорно переглянулись. Еще бы – такая удача.

Возле большого рубленого дома, стоящего прямо возле дороги, новый знакомый сказал:

–Тормозните здесь. Вон дом Кольки, а мне тут рядом, пешком дойду.

Николай оказался ровесником лесника, только высоким, худым и... «в доску пьяным». Мы поздоровались, и Зоренко не стал тянуть «кота за хвост»:

–Говорят, вы иконами торгуете? Мы бы хотели купить несколько штук.

Хозяин дома, как мне показалось, даже несколько обиделся:

–Да, не торгую я. Мамка все стены завешала, да умерла. Вот я их и раздаю. За бутылку красного вина, берите любую. Могу взять и деньгами...

Мы долго ходили вдоль стен в доме. Выбрали семь штук среднего размера, три из них с желанным ковчегом. То есть они имели углубление с бортиками по краям, которое делается в доске для старинных икон. С такими знаниями мы считали себя почти экспертами. В общем сторговались. Николай бегом рванул в магазин, а мы назад в «город невест».

Все семь досок по приезду к моему дому временно спрятали под моей кроватью.

Однако я не удержался и на другой день похвастался ценным приобретением перед отцом. Он сказал матери, и они вдвоем меня сильно ругали и...пугали тюрьмой. Короче, знакомые Зоренко, внимательно осмотрев нашу добычу, явно надуманно покритиковали ее ценность и предложили не деньги, а обмен на какие-то дефицитные зарубежные безделушки. В общем, как сейчас модно говорить, мы «лоханулись по полной программе»... Интересно, как они за пять минут разглядели в нас этих самых лохов?

...И вновь сознание вернулось в каменный мешок, в котором, тем не менее, подобные воспоминания вызвали улыбку. После вечерних молитв улегся на жесткий топчан и долго не мог уснуть. Мысли вертелись вокруг странных совпадений... Вступив в пионеры, у родной бабушки забрал иконы и чудовищно ими распорядился – бросил под гусеницы трактора, чем явно причинил немалую боль верующему человеку. И перед поступлением в институт вновь не совсем правильно приобретаю старинные иконы и опять распорядился ими не лучшим способом. Что это? Связующие ниточки или просто совпадения? Почему эти явные грехи вспоминаются здесь, где, по моему мнению, я сижу без вины? И так ли я не виноват перед Господом, как меня убеждает мой разум? Завтра, завтра обдумаю все как следует, а сейчас спать, спать, спать...

Глава 2. Куда пойти учиться, чтобы сильно не трудиться

На выборе текстильного института сказалось страстное желание матери. Сама она работала ткачихой и представляла меня на месте ее начальника. К этому времени родители переехали из поселка Нерль в Иваново, как я четко понимал – ради будущего своих потомков. Школу закончил без троек, в душе стремление учиться дальше, а одного меня, склонного к хулиганству, отпустить в большой город они боялись. Маму я любил, поэтому уступил ее надеждам и в 1972 году осчастливил своим присутствием именно это учебное заведение, подав необходимые документы. А ведь собирался ехать в энергетический институт, но родительница ненавязчиво попросила посетить сначала текстильный, мол, поглядишь – чему учат, узнаешь про будущие специальности, а потом и решишь где учиться. Все получилось так, как она и хотела. Всеобщая суета с подачей заявлений будущими абитуриентами на поступление в учебное заведение, куда заглянул «на экскурсию» из уважения к родительнице, захлестнула и меня. Встал в очередь и подал все необходимые документы. По дороге домой ругал себя за необдуманное как следует решение, но... только до встречи с матерью.

Готовился к каждому экзамену серьезно, стараясь пола-

гаться не на память, а вникнуть в самую суть... Однако на физике чуть не «завалился». И не то, чтобы не знал ответов на вопросы билета, а как говорят, напало оцепенение от страха «срезаться». Тем более что в активе уже имел две пятерки, и очень хотелось третью. Преподаватель оказался «в возрасте», опытный и, очевидно, не первый раз встретил абитуриента онемевшего от страха. Он стал задавать наводящие вопросы, но и это не помогало вывести меня из глубокого философского созерцания своей ничтожности. Я уже видел неудовлетворительную оценку, и перед глазами стояла картина известного художника Федора Решетникова «Опять двойка»... Только мать с отцом не картинные, а мои, родные. По сути, ни отец, ни мать за процесс обучения меня никогда ругали, считая, что я развиваюсь в нужном русле самостоятельно.

И тот, от кого зависела моя дальнейшая судьба, видимо догадавшись о моих видениях, спросил о родителях. В те времена негласно, но имело значение «пролетарское происхождение». А предки-то мои самые, что ни на есть рабочие.... Поняв, как повезло мне в этом отношении, вдруг вспомнил – зачем пришел, а заодно и ответ на вопрос. И «тут Остапа понесло»: я отвечал так бойко на первый вопрос, что преподаватель никак не мог меня прервать вежливым «достаточно». Так же темпераментно начал озвучивать ответ на второй вопрос, и остановить меня смогла лишь жирная пятерка, которую экзаменатор поднес мне под самый нос, по-

нимая, что я ее не вижу и, надеясь только на мое обоняние. Тогда я впервые понял, что жить в семье, мягко говоря, не очень обеспеченной, не так уж и плохо. Предела моей радости в тот момент просто не существовало ...

...Подобный восторг довелось испытать много позже, когда присяжные оценили мои выступления на суде, но подробно об этом расскажу в свое время... А пока сижу на деревянном настиле, вспоминаю все свои победы по жизни и четко осознаю, что всегда больше радовался выигрышам на интеллектуальном «фронте». Победы на ринге во время спаррингов или во время многочисленных драк тоже, конечно, доставляли определенную радость, но не такую, совсем не такую. Моя память так устроена, что серьезные вещи почему-то забываются, а курьезы забыть никак не могу. Но может это просто защитная реакция психики на карцерные условия, когда возникает потребность хотя бы слабо улыбнуться, чтобы не сойти с ума? ...

Столько, например, полезных знаний получил в институте, а вспоминаются лишь смешные ситуации. На одной из кафедр преподавал очень строгий педагог, одновременно бывший и нашим деканом. Он страшно не любил шпаргалок. Когда принимал экзамен, то зачастую внезапно вскакивал и бежал меж столов, стараясь обнаружить списывающих неудачников. Иногда ему это удавалось, автоматом в зачетке появлялась двойка и необходимость пересдачи. Однако «голь на выдумки хитра», и один из однокашников, сидящий при

сдаче экзамена рядом со мной, сделал шпаргалку на резинке. Она свернута в рулончик так, что ее можно читать прокручивая, но, не разворачивая полностью. Один конец крепился к шпаргалке, другой – к рукаву рубашки изнутри.

И когда преподаватель вскакивал и бежал по рядам, успев увидеть нарушающего «порядок» соседа, тот просто отпустил шпаргалку, и она улетала в рукав летней одежды. Экзаменатор пытался обвинить его в списывании, но студент разводил руками и клялся, что у него ничего нет. Не сумев разоблачить хитреца, преподаватель возвращался за свой стол, время от времени бросая косые взгляды в нашу сторону. С удивлением он видел, как мой сосед, в который раз достал «помощницу», но целенаправленное «десантирование» вновь потерпело фиаско. Все сидящие на экзамене еле сдерживали смех. И все-таки, несмотря на хороший ответ изобретателя, получил он только тройку. Я всерьез побаивался, что декан отыграется и на мне из-за того, что рядом с нарушителем сидел. Но обошлось, получил хорошую оценку...

...Наступило время прогулки в тюремном дворике и я, выписывая круги в гордом одиночестве, снова и снова возвращаюсь к мысли о суде. Необходимо тщательно готовиться к каждому заседанию, причем самому, без подсказок со стороны. Какая шпаргалка может помочь в подобной ситуации? Кто ее подсунет в нужный момент? Рассчитывать приходилось только на реальные знания, в основном, юридические... Конечно, имелись записи, коими легально мог пользоваться.

Много записей – в толстых блокнотах и тетрадях, на листах и листочках. Однако необходимо при этом довольно быстро ориентироваться, в каком месте записано то, что требуется в настоящий момент. Если использовать аллегорию, каждую минуту знать, где находится ключик от дверей, ведущих на волю. И правильно преподнести найденную информацию. Даже интонация порой имеет значение...

...В институте встречались и «добрые» учителя. Один старый – престарый профессор по фамилии Горьков, продолжал преподавать только ради своей не очень старательной дочери, она училась со мной в одной группе. К тому времени профессор обладал плохой памятью, и во время лекции зачастую путался, забыв, на чем остановился. При этом открыто ждал подсказки со стороны студентов. Зато перед экзаменом напутствовал примерно так:

–В первый день читайте учебник, во второй полдня читайте, полдня отдыхайте, а на третий, сходите в кино. На экзамен берите шпаргалки, лекции, книги, пользуйтесь открыто, но спрашивать буду строго.

А преподавал он теоретическую механику, и книга по данному предмету оказалась весьма объемистой. Конечно же, к экзамену никто не готовился, и даже не писали шпаргалок. Однако разрешение – разрешением, а учебник я положил не на стол, а себе на колени и спокойно довольный собой списывал ответы на доставшийся билет.

Зрение в отличие от памяти, у преподавателя не испорти-

лось, и он негромко сказал мне:

– Ну что вы себе жизнь усложняете? Положите учебник на стол, так удобнее будет.

Внимание всех студентов сосредоточилось на моей персоне. Поборов стеснительность, я последовал совету профессора, но так разволновался, что списал не тот ответ, совсем не тот. А должен в результате долгих расчетов получить какую-то конечную формулу, которую преподаватель наверняка помнил. Видно, сам лукавый внушил мне ничего не переписывать, а просто к неверным расчетам в конце приписать правильную формулу.

Достаточно бойко я озвучил расчеты на вопрос экзаменационного билета, но не своего, а абсолютно другого. Естественно таким путем к нужному результату прийти невозможно. И я в конце выступления выдержал многозначительную паузу и выдал:

–Далее в результате несложных математических расчетов мы получаем нужную формулу... При этом зачитал ее. Аудитория замерла. Профессор минут пять смотрел на меня в упор, оттягивая, как мне казалось, мою неминуемую гибель и наконец, произнес:

–Убедительно, убедительно.

И... в моей зачетке появилась первая нечестная пятерка.

...Записи – записями, но в карцере – отбой, двадцать два часа, и надо дать отдохнуть своему голодному организму.... Над дверью тускло светит «ночничок». За окном всю ночь

слышны крики «дорожников», людей ответственных за тюремные «дороги». По ним идут записки, продукты питания, одежда нуждающимся, иногда алкоголь. Кто впервые попадает в следственный изолятор, с большим трудом засыпают под довольно громкие крики, вскоре привыкают, а чуть позже просто «не слышат». Удивительно, но на жестких досках и матрасе в шишках я засыпал как младенец. И это несмотря на протестующий желудок. Может потому, что перед сном приучил себя читать вечерние молитвы? Как следует, выспавшись поутру решил сам себя подбодрить и развеселить давнишними историями. Перечитал, что-то исправил. Улыбки, тем не менее, чтение не вызвало. Вспомнились и другие события, казавшиеся в свое время очень смешными...

Однажды на семинаре по физике молодой, интеллигентный преподаватель вызвал к доске студента Тропина, сына директора какого-то крупного предприятия в городе Иванове. Следует отметить, что потомок серьезного руководителя не отличался таким же серьезным мышлением. Ему предстояло произвести расчеты, по какой-то задаче. Тропин долго и старательно писал на доске, считал, высчитывал и никак не мог свести концы с концами. А преподаватель в задумчивости ходил меж столов, заглядывая в наши тетради и смотря, как мы решаем ту же задачу. Затем в какой-то момент мельком глянул на доску и громко произнес весьма матерное слово:

– Х...ня!

Студенты дружно засмеялись, а обремененный огромными знаниями преподаватель покраснел «словно рак в котелке» и со словами «извините», выскочил в коридор, непроизвольно сократив семинарские занятия... Вообще эти физики – народ рассеянный. Другой грамотный и хороший лектор по этому предмету целый час читал лекцию с растегнутой ширинкой. Высокий сорокапятилетний явно интеллигентный мужчина среднего телосложения, наверняка нравившийся кому-то из студенток... наших хихиканий он принципиально не замечал. А когда вернулся после перемены, время – от – времени глядел вниз на брюки. При этом его лицо каждый раз непроизвольно приобретало розовый оттенок.

...Вот вроде бы, явная глупость пришла в голову, но настроение поднялось, и я продолжил фиксировать в журнале свои воспоминания... Вдруг открывается дверь в мою одиночную камеру и приглашают к фельдшеру – замерять кровяное давление, пульс, вес тела, спросить о самочувствии. Ведь наступили седьмые сутки добровольного голодания. Однако не совсем уж и «добровольного», сотрудники к какому-то мелкому нарушению внутреннего распорядка придрались, меня это оскорбило, и принципиально отказался принимать пищу. Два серьезных конвоира в абсолютном молчании сопроводили до врачебного кабинета, где ожидала довольно молодая женщина в белом медицинском халате. Объективные показатели оказались не плохими – давление сто

десять на семьдесят, пульс пятьдесят шесть ударов в минуту. Правда, потерял шесть с половиной килограммов живого веса. Самочувствие? Небольшая слабость, тренироваться в тюремном дворике, нет желания. А так в целом оснований для беспокойства по поводу здоровья нет...

Глава 3. Крутить педали – совсем не скучно

Еще на первом курсе текстильного института я увлекся велосипедным спортом. Тяжелым, кстати, оказалось увлечение. Нагрузки наш тренер, Игорь Николаевич Козин давал такие, что с тренировок уходили, покачиваясь. И это несмотря на молодость и нерастраченное здоровье. В свои пятьдесят с лишним лет инструктор выглядел превосходно. Стройный, как юноша, очень подвижный, коммуникабельный по характеру, с первых минут общения вызывал симпатию. Бросалась в глаза какая-то открытость или как бы сказали сегодняшние студенты – отсутствие понтов. Если добавить к этому невероятное чувство юмора и настойчивость в достижении цели, то получится приблизительный портрет человека, который стал для меня непререкаемым авторитетом в течение последующих двух лет.

Игорь Николаевич в прошлом занимался гимнастикой, являлся мастером спорта по велосипеду. Он четко знал и умел, как из простых молодых людей делать чемпионов. Кстати, в велосипедной секции тренировались и девушки. Они-то реально занимали первые-вторые места на серьезных союзных соревнованиях. Однако из парней ему удавалось слепить только неоднократных чемпионов города Иваново и

области; на более крупных соревнованиях мы едва попадали в первую десятку. Имел всеми уважаемый тренер два грешка – любил, и небезуспешно, приударить за симпатичными велосипедистками, в два раза с лишним моложе его, а так же ругаться матом, когда что-то делалось не по его разумению. Правда, матом ругался как – то без злобы, с юморком и порой употреблял незнакомые воспитанникам слова, но явно нецензурного происхождения.

Некоторые пытки, которые он устраивал нам на тренировках в спортзале, запомнились на всю жизнь. Называлось это ОФП – общефизическая подготовка. Для разминки, а потом и отдыха, мы бегали по кругу под песни Высоцкого, которого наш тренер просто обожал. Полюбили песни маэстро и мы. После бега надевали на ноги словно ботинки – две гири, каждая по два пуда, и у шведской стенки поднимали их поочередно, как будто шли к какой-то невидимой цели. Длилась «прогулка» минут десять. Отдых – бег по кругу. Потом эти же железки ставили между двух лавок, приседали и на полусогнутых ногах (с такой-то тягой!) выпрыгивали как можно выше двадцать – двадцать пять раз. Снова отдых – бег по кругу. Иногда мышцы сводило судорогами, но легкая пробежка исправляла и это. Комплекс упражнений повторялся не менее пяти раз. Вслед за этим нагрузка на спину: подошел к штанге весом сто шестьдесят килограммов и согнулся-разогнулся не менее восьми – десяти раз. И, наконец, лежа на спине на специальном приспособлении, полусогнуты-

ми ногами выжимаешь вверх все, что там положено – двести, а то и двести пятьдесят килограммов. Перечитываю, и... самому кажется все это нереальным, надуманным, несколько хвастливым...

Как-то раз в спортзале, где стоял этот снаряд, я перебирал велосипед – промывал, смазывал все подшипники коих в данном двухколесном изобретении человечества предостаточно. В общем, готовил к соревнованиям надежного железного коня. А рядом тренировались баскетболисты, высокие и неуклюжие. Бегали по залу, толкая друг друга и запинаясь, при этом пытаюсь, красный мячик закинуть в специальное кольцо. Честно сказать, на мой субъективный взгляд получалось у них не очень... И один из них, вдруг увидев приспособление для выжима тяжестей ногами, решил проверить свои физические возможности. Он неловко перешагнул, через мой велик, лег на доску покрытую кожзаменителем и... выжал целых восемьдесят килограмм. Своим «рекордом» баскетболист поделился с членами команды. Конечно же, всем захотелось данное достижение «побить». Они стали поочередно прыгать через мой велосипед и устанавливать все новые и новые результаты. Очень быстро мне это надоело. Более сильные «рекордсмены» постепенно увеличили вес до ста двадцати кило. И после взятия такого веса слышались радостные крики с элементами гордости и хвастовства. Тогда я попросил чемпионов положить все блины от штанги на приспособление – получилось четверть тонны. С улыбкой

выжал этот внушительный вес десять раз. Впечатлило – все сразу и молча ушли гонять баскетбольный мяч и больше мне не мешали.

Когда начинался сезон, то есть только-только сходил снег, и появлялось мокрое шоссе, мы уже катались на своих велосипедах. Обрызганные водой и грязью с обгоняющих нас автомашин, накручивали свои первые километры. Причем каждую тренировку увеличивая дистанцию. Одевались максимально тепло, и крутить педали становилось еще сложнее. Да и вообще после длительного зимнего перерыва ощущения оказывались такими, словно впервые в жизни нажал на педали. Правда существует еще одно приспособление – вело станок, состоящий из трех свободно вращающихся металлических роликов. Оно специально для зимних тренировок и устанавливается в теплом спортивном зале. На ролики необходимо поставить велик, умудриться на него сесть и раскрутить педали так, словно мчишься по дороге. Однако подобная имитация не могла воссоздать настоящие нагрузки, возникающие на шоссе. В общем, как ни крути, а весна весьма тяжелое время даже для опытных велосипедистов. Чтобы как-то восполнить затраченные калории, нам бесплатно выдавали бумажные талоны на питание в студенческой столовой. На них указывалась определенная сумма настоящих денег, которые они подменяли. Все проесть за месяц спортсмены не успевали, и остатки талонов отоваривали шоколадом. Обьедались не только сами, но и родственники. С тех

пор шоколад я не очень люблю.

...Впрочем, воспоминания в изоляторе о такой вкусо­тище, особенно когда голодаешь, лишь добавляют страда­ний. Лучше опять ухватиться памятью за что-нибудь смеш­ное или просто приятное. Например, вспомнить игру на би­льярде, который я любил перед принудительной изоляцией. Соскучился по зеленому сукну, белым шарам... Представил картину – разбиваю пирамиду плавным ударом в крайний шар. Биток падает в правую лузу. Красота. Но... вдруг скри­пит ни разу не смазанный запор, открывается обитая желе­зом дверь и слышится резкая команда:

– На прогулку, руки за спину.

Прогулка в тюрьме «святое», как и баня. Пропускают в ос­новном «стукачи», чтобы в отсутствии сокамерников встре­титься со своим куратором. Бильярд придется отложить, по­мечтаю в другой раз...

...Забавный случай произошел в городе Пскове, куда мы приехали на республиканские соревнования. Нам, как обыч­но, выдали талоны на питание в какой-то студенческой сто­ловой. А там, в начале стойки, где выставляются первые и вторые блюда, всегда стояла сметана в граненых стаканах, наполненных ровно до половины. Рядом же стоял кефир, ко­торый по цене гораздо дешевле. Последний, как правило, на­ливали сами клиенты и полный стакан.

Мой дружок, сын тренера Володя Козин придумал способ легкой экономии. Он в стакан со сметаной доливал сверху

кефир, не перемешивая содержимое, и с него плату брали меньше. Мне тоже захотелось халявной сметанки. И все бы хорошо и вкусно, если бы не солнечный день. Луч света падал как раз на стакан у кассы, и граница между кефиром и более густой сметаной оказалась четко видимой. А кассирша сдачу с наших талонов выдавала настоящими советскими деньгами, в этом-то и смысл нечестного бизнеса. Но она тоже «не лыком шита», и увидев на свету линию между разными молочными продуктами, предъявила Козину, стоявшему впереди меня, претензию... Он «пошел в несознанку» и пытался доказать, что в его граненом сосуде чистый кефир. Однако чайная ложечка, которую работница столовой использовала в качестве детектора лжи, заставила моего товарища извиниться и заплатить за двести граммов дорогой сметаны. Я скандала ждать не стал, добровольно заявил, мол, в моей таре – чистая сметана и расплатился в полном размере. Бизнес оказался «накрылся медным тазом».

А за нами через несколько человек сзади в очереди стоял Юра Петров, член нашей же команды велосипедистов. Он даже не догадывался о проваленном «бизнес – проекте». У него на подносе стоял полный стакан обыкновенного кефира. Но кассирша уже вошла в раж и предъявила Петрову ту же претензию, что и нам, и даже чайную ложечку запустила ему в тару. ...Как она извинялась перед Юрой за ошибку, как извинялась! А этот мошенник, бубня под нос: «Ничего, ничего, бывает» и, отойдя подальше, достал из кармана

неоплаченный коржик. Мы ржали, как кони – и над собой, и над кассиршей, и над своим антисоциальным поведением.

...Опять еда пришла на ум, а я еще не на свободе... Да и сам поступок-то вспомнился полукриминальный. А где-то в религиозной литературе я читал, что из таких вот мелких грешков в итоге скапливается смертный и непростительный грех. Это все равно, что один камень в мешке, привязанном к шее, в воде тянет на дно так же, как и большое количество мелких камешков. Появилась праведная мысль: «Надо покаяться и в этом поступке перед батюшкой в очередную встречу». Тюрьма тюрьмой, а к батюшке по расписанию. И слово скажет душеспасительное и религиозной литературой снабдит...

Помню, как в середине лета 1973 года мы приехали на соревнования в Ленинград. В те времена Петербург величали именно так. Перед поездкой все мечтали полюбоваться старинными зданиями города, походить по исторически значимым улицам, посетить всемирно известные музеи. Но одного из красивейших городов СССР я так и не увидел: конкурентная борьба на трассе проходила в пригороде, там же нам предоставили и временный ночлег. Да и время на воплощение мечты тренер нам не предоставил. Сам-то он здесь уже везде побывал, в прошлые поездки. А мы, как бы ни сами по себе, – мы при нем.

На второй день после индивидуальной велогонки, предстояла командная. Дистанция семьдесят пять километров –

тридцать семь с полтиною в одну сторону, затем разворот и столько же обратно. Четыре велосипедиста от каждой команды, должны вместе как можно быстрее проехать расстояние. Вчетвером катиться значительно легче, так как впереди мы оказывались по очереди, в то время как задние, прячась за спину лидера, отдыхали. Со стороны это выглядело словно вращающийся по часовой стрелке овал, если ветер дул справа, и против часовой стрелки – если слева.

Для такого движения в команде нужны длительные тренировки, чтобы смена лидера происходила слаженно и четко. Зато скорость можно развить на пять-восемь километров выше, чем у одиночного велосипедиста, которому и отдохнуть-то не за кем. Кто посильнее, ведущим ехал подольше, таща за собой команду и держа максимальную скорость. Велосипедисты плотно прижимались друг к другу, укрываясь за спинами товарищей от встречного ветра. Всего соревновалось около пятидесяти команд, но тренера интересовала только победа над нашими постоянными конкурентами и земляками из химико-технологического института, и задачу нам он поставил однозначную:

–Все можете проиграть, но у химиков – выиграть!

В нашей команде я Володя Козин являлись признанными лидерами, так как тренировок никогда не пропускали и физически были выше на голову своих товарищей по команде. Тренер на нас сильно рассчитывал, и ответственность, безусловно, давила «тяжелым камнем». При этом в ходе гонки

мы не должны «потерять» своих напарников. А такое случилось: иногда, будучи ведущими, я и Козин так увлекались, что даже за нашей спиной двум другим членам команды ехать казалось тяжело – мы раскручивали педали очень сильно. Кто-то из четверых мог не выдержать принятого темпа и отстать. Зачет на финише шел по третьему члену команды, то есть потеря четвертого до финиша не «смертельна».

На трассе всегда стояли контролеры от каждой команды, отслеживая предварительные результаты и информируя гонщиков. Кроме меня и Козина в нашей команде числились Валера Иванов, лет двадцати пяти, худой, очень выносливый и терпеливый гонщик и молодой, двадцатилетний парнишка Сергей Толстов – талантливый, но еще мало тренированный. Зато довольно амбициозный. Каждый из нас четко знал отрезок пути, который мог проехать с максимальной отдачей: у кого-то триста метров, у кого-то целых шестьсот, как, например, у меня. Чем я, кстати, страшно гордился. Оно и понятно, такую дистанцию отработать в полную силу «дорогого стоит».

И как-то в этот день у нас сразу все пошло не по плану. Видно, темп мы с сыном тренера задали на старте слишком большой, и Толстов «загрусил»: вперед выходил совсем на «чуть-чуть», а потом и вовсе отстал. Иванова теперь «терять» нельзя ни в коем случае. А сзади нас катил арендованный тренером автобус, в котором имелись запасные велосипеды для гонщиков и ...полный состав нашей женской ко-

манды. Девчата гонку к этому времени закончили, заняв почетное 2-е место, и хотели морально поддержать «родную» мужскую команду. В автобусе же находился и Козин – старший, почти сорвавший голос из-за нас, и даже мат, обычно очень изоциренный, стал непривычно повторяться. Ему казалось, что мы все делаем, не так и впереди ожидает нас только позор проигрыша извечным конкурентам «химикам». Впрочем, таковыми они стали после какого-то скандала нашего тренера и наставника конкурентов. Честно сказать, причины мы, рядовые спортсмены, конечно же, не знали. Наверное, спорили кто из них круче, в подготовке подопечных в данном виде спорта.

Как назло, заморосил противный дождь, а после разворота – рванул встречный ветер. Форма промокла насквозь. Состояла она из специальных ботинок, которые намертво крепились к педалям, шерстяных вело трусов по колено, и шелковой облегающей майки с коротким рукавом. Мокрые вело трусы почему-то стали съезжать вниз и чтобы не шокировать девчонок интимной частью тела, я постоянно их подтягивал рукой, теряя драгоценные секунды и вводя тренера в крайнюю ярость. Выслушав сквозь шум ветра все, что Игорь Николаевич думал про мою заднюю часть организма, я с силой рванул штаны вверх, и они... треснули. О, ужас! Сзади девчонкам стало видно то, что я бы им по своей воле никогда не показал. Однако куда мне с дороги-то деваться и как на ней спрятаться хотя бы частично?

Начав с остервенением крутить педали, я из всех сил пытался оторваться от злосчастного автобуса, чем совсем добил Иванова, который и без того ехал на последнем дыхании. К тому же один из контролеров крикнул, что мы проигрываем конкурентам- землякам, сорок секунд. Дальше работать стали вдвоем, Валера «отдыхал» за нашими спинами, постоянно норовя отстать. Тренер издавал какие-то хриплые звуки, но разобрать то, что он пытался до нас донести, оказалось невозможно. Наконец впереди показались люди с секундомерами в руках, и время стало нашим главным врагом... Экономить силы нет никакого смысла. На финише я вышел вперед, выкладываясь на все сто процентов, однако при этом четко слышал, как через громкоговоритель помощник судьи объявляет: «Финиширует команда голож...», – затем следует пауза, и – «извините, команда текстильного института из города Иваново».

Соскочив с велосипеда, первым делом я надел трико и скрылся в перелеске, где, кстати сказать, стояли бочки с бесплатным квасом – об этом позаботились местные власти. Правда, тренер нам запретил даже глядеть в ту сторону, так как мы «...бездарные, тупые «чайники», которых он разгонит, как только вернемся домой». Мы сидели молча, виновато опустив головы, хотя и отдали гонке все свои силы. Тем временем к финишной черте приближалась команда химико-технологического института, наши земляки и главные конкуренты. Тренер побежал узнать, сколько мы им проиг-

рали. И вдруг ...он остановился, достал из автобуса трехлитровый бидон, сам наполнил его квасом и с улыбкой, как ни в чем, ни бывало, принес его нам. Оказалось, в итоге мы выиграли у «химиков» целых четыре(!) минуты, а в общем зачете заняли седьмое место, что совсем не плохо для соревнований такого уровня!

...Когда припоминаются тяжелые физически и обидные в плане несправедливости моменты, легче сидится даже в карцере. «Пройдет и это, пройдет, переживу» – такие мысли появлялись в голове. Они вселяли надежду. В соседнем карцере какой-то придурок заорал во всю глотку песню, фальшивя так, что даже я со своими ушами, на которые «медведь наступил» почувал это. В дальнейшем окажется, его подсадили ко мне поближе специально, чтобы вывести нервную систему из равновесия.

– Слышь, «дурилка картонная», прекрати орать! – попытался я вразумить соседа.

– Я в своей «хате» что хочу, то и делаю, – слышалось в ответ.

Душераздирающий концерт продолжился и после отбоя и замечания сотрудники почему-то не делали. «Не ровно живем», – подумал я, – на меня бы у них управа нашлась в виде дополнительного срока пребывания в карцере». А потом как-то батюшка при моем очередном визите к нему сказал: « Не ищи справедливости на Земле. Ее здесь просто нет, она только на Небе». Может он и прав...

...Был весьма курьезный случай в городе Таганроге. Выступали мы там от Ивановской области тремя командами – мужской, женской и юношеской. Причем общий зачет шел по результату всех трех команд. Один из участников – «юноша» по фамилии Гришанков, в общем-то, бестолковый как спортсмен, но безвредный и крайне наивный пацан. Да и «юношей» – то он являлся не настоящим, в том смысле, что ему в спортивных документах тренером умышленно занижен возраст, чтобы он мог выступать именно в этой категории. Мы с Козиным – младшим решили настроить его на гонку. Воодушевить, внушить веру в свои силы, а заодно и подшутить.

–Гришанков, ты самый старший среди участников, ты сильнее их всех и должен выиграть, – сказал Володя.

– Гляди, трасса с горы в гору – ровного места нет, а ты на горах всегда отличался, ты – горный король, – поддержал я товарища.

И это правда, только суть – то в том, что опытные велосипедисты всегда при подъеме в гору сэкономили силы, прячась за спинами других гонщиков, и старались держаться сзади. Это в том случае, если гонка групповая, то есть ехали все вместе человек шестьдесят, и каждый норовил обхитрить друг друга и выиграть на финише. После взятия горы силы у всех обычно на исходе, а кто все же их сберег, старался рвануть вперед и оторваться от основной группы, уйти в отрыв. Вот поэтому бестолковый «горный король» при подъеме в

гору всегда оказывался впереди, однако затем резко отставал. Делиться тактическими хитростями велосипедисты не любят, даже со своими «союзниками».

А мы Саню, так его звали, продолжали раззадоривать на рывок. И наконец, он поверил нам и произнес:

–Точно, я и сам замечал, что в гору у меня здорово получается. Я выиграю эту гонку.

После такого ответа мы оставили Гришанкова в покое, хихикая в душе над его наивностью. После того, как мужская и женская команды свою гонку закончили, стоим у финиша и бодем за юношей. Естественно, только за тех, кто с нашей области. Всего спортсменов юношеского возраста тогда набралось человек восемьдесят, не меньше. На улице жара, свыше тридцати градусов, местами асфальт даже плавился. Мы-то на себе уже испытали все прелести тяжелых соревнований. Как бы то ни было они подходили к концу...

К финишу приближалась оторвавшаяся от пелетона пятерка лидеров, отчаянно стараясь, выиграть друг у друга сантиметры дороги и прийти первым. Но... Гришанкова среди лидеров нет! Правда, мы и не удивились, откуда ему взяться среди сильнейших гонщиков, хоть и юного возраста? Следом, примерно через минуту, стала приближаться группа велосипедистов, где – то из двадцати человек. Но и среди них мы не увидели нашего члена команды. Минуты еще через две финишировала основная группа, но... «горный король» и в нее не попал. «Неужели заблудился?», – подумал я с иро-

нией. Время неумолимо тикало... Оставалось еще три минуты, для того, чтобы областная команда получила зачет. Если нет, то все наши труды напрасны. Прошло еще сто двадцать секунд... и мы, наконец, увидели двух гонщиков, которые, тем не менее, в нужное время вписывались. Среди них – Гришанков. Ну и ехали бы «чайники» спокойно, так ведь нет – надо выяснить, кто среди бездарных самый бездарный! Кстати, «чайниками» в велоспорте называли тех, кто, мягко говоря, показывал не очень хорошие результаты на соревнованиях. Между тем оба спортсмена из последних сил рвались к заветной черте. Велосипеды шли параллельно друг другу, и педаль одного попала в колесо другого. Оба естественно упали, резиновые трубки-камеры слетели с колес, ехать оказалось невозможно. Гришанков без своего двухколесного коня бежал к финишу, чуть прихрамывая, однако пересек черту первым. А по правилам соревнований при этом, спортсмен должен быть с велосипедом! ...Саня заковылял обратно. Он поднял на плечо своего побитого «коня» и... все-таки уложился в отпущенное для зачета время! Животы болели от смеха, а вот от прозвища «Горный козел» Гришанков с той поры так и не «отмылся»...

Вспомнился мне еще один интересный персонаж в велосипедной секции – Вадим Бреславский, высокий, худощавый, молодой человек со светлыми волосами на голове. Как спортсмен он никакосовый, напоминающий чем-то вышеупомянутого Гришанкова, однако обладающий довольно вы-

соким интеллектом. Он, так же как и я увлекался игрой в шахматы. При этом не знал ни одного общепринятого дебюта, поэтому делал весьма нестандартные ходы, но неизменно у меня выигрывал, несмотря на то, что я обдумывал каждый ход, старался, как мог. Ему бы всерьез не велосипедом заниматься, а этой интеллектуальной игрой, возможно, достиг бы определенных высот. Примечателен он и тем, что любил рассказывать анекдоты, постоянно забывая их концовку. Вместо этого он говорил после небольшой паузы:

—А дальше там что-то смешное-смешное идет...

А однажды мы, два бедных студента, передвигались по городу на трамвае... «зайцами», сэкономили на билетах и оба прекрасно об этом знали. Как-то раз за разговором не заметили вошедших в салон контролеров, двух строгих женщин среднего возраста. К первому они подошли к Бреславскому и потребовали показать проездной билет. Он не придумал ничего лучшего, как повернуться ко мне и, назвав меня по фамилии потребовать:

—Где наши билеты? Предъяви их контролерам!

Чем кончилась эта история, не помню, но очевидно одно — нас оставили в живых и даже не отчислили из института...

Бывали в велосипедном спорте и такие моменты, когда соревнования превращались не в борьбу спортсменов между собой, а в достижение какой-то общей цели. Тренируясь второй год, имея уже первый взрослый разряд, я чувствовал в себе силы добиться большего. Да и не только я, Володя Ко-

зин, а если учесть всех спортсменов областного центра, то еще человек пять вполне заслуживали более высокой оценки, чем «первый взрослый»... Однако чтобы выполнить норму кандидата в мастера спорта, необходим соответствующий уровень соревнований, а главное – судья республиканской категории. Таковых в «городе невест», увы, не водилось... Надежды на счастливый случай мы не теряли. И однажды тренер сообщил, что по специальному приглашению спортивного комитета города Иваново придет судья соответствующей категории, и мы сможем попытаться выполнить норму кандидата в мастера спорта СССР. Для этого даже придумали внеплановые соревнования – не помню, как их тогда называли, но пригласили участвовать спортсменов-любителей велоспорта со всей области. Надеяться на «госпожу удачу» в такой ситуации просто глупо, и... все сильные велосипедисты вступили в сговор между собой. Мы решили не хитрить друг перед другом, а работать как одна команда, увеличив таким способом шансы получить заветное почетное звание. Посильнее в Иваново считалось человек восемь, причем из разных учебных заведений города, и в обычной ситуации все являлись непримиримыми соперниками. Но не в данном случае...

Наступил ответственный день, и мы, как договорились, восьмером повели гонку. Скорость развили приличную, однако за нами не отставал «хвост» еще из примерно девяти человек. За впереди движущейся «стеной» велосипедистов

передвигаться много легче, чем лидерам, а поработать на общий результат они явно не желали и не рвались вперед. На развороте кто – то из контролеров крикнул, что нам не хватает секунд сорока до контрольного времени. Мы добавили скорости, благо силы позволяли, тем более что к финишу предстояло ехать уже по ветру. Сильно, конечно, хотелось «скинуть с колеса» навязчивых «пассажиров», а им, видимо, так же сильно хотелось стать кандидатами в мастера спорта СССР. Можно сказать на халяву... На подъезде к финишу, уже не оставалось сил. Но есть такое понятие «надо», и именно оно заставляло отдавать даже то, чего уже нет. Как я описывал ранее, у каждого велосипедиста есть своя длина дистанции, которую он может отработать на «полную». Обычно это триста – четыреста метров. А у меня – то целых шесть сот! Вижу – осталось примерно такое расстояние до финишной черты. Я сдвигаюсь в левую сторону от гонщиков из группы лидеров и включаю все, что мог – и максимальную скорость, и силу, точнее ее жалкие остатки. Пришел вторым с результатом два часа девятнадцать минут двадцать секунд. Сын тренера Владимир, как обычно «приклеившись» ко мне сзади, когда я начал отрыв от пелетона, на самой финишной черте буквально вырвал у меня пару сантиметров. В итоге мы с ним имели даже несколько «лишних» минут для исполнения заветной мечты!

...Обдумывая этот эпизод из своей жизни, я сделал вывод, да и память подсказывала, что нужного результата можно до-

биться, только работая сообща как единая команда. Да,... странно устроена жизнь – сажу, как поет Трофим «на нарах, как король на именинах» и вспоминаю занятия спортом. При этом постоянно возвращаюсь к текущей и очень непростой ситуации. Как будь-то, ищу поддержки в прошлом, для преодоления препятствий в настоящем. Однако надо подумать, как на суде заставить «работать» на полную мощность всех друзей по несчастью. В одиночку мне однозначно не потянуть, да и им за моей спиной не отсидеться. А ставки страшно высоки...

После этих соревнований наметился еще какой-то уже плановый городской турнир. А в команду энергетического института пришел готовый кандидат в мастера спорта по моему любимому виду спорта из города Сочи. Он расспрашивал своих товарищей по команде, кто ему может в Иванове составить конкуренцию и просил их показать со стороны. Среди прочих, показали и меня... Что – то ему во мне не понравилось, и он произнес приговор:

–Я его сегодня завалю!

Это означало намерение оказаться передо мной во время гонки и специально чуть вильнуть велосипедом, чтобы его заднее колесо повернуло мое переднее в сторону. Обычно это кончалось падением того, кто находился сзади. Однако меня члены его, же команды предупредили о готовящемся «покушении». Причем просто так «по дружбе», ведь все мы не первый раз соревновались, знали друг друга, уважали.

Гонка предстояла групповая, ехали вместе, человек тридцать. Трасса выбрана судьейской командой на Писцово, по сути, в сторону Ярославля. В те времена можно сказать, трасса новая – не разбитая. На улице обычное лето средней полосы России – плюс двадцать пять, редкие облака на небе, теплый ветерок в лицо. Стартанули... Нового велосипедиста я из поля зрения не выпускал ни на минуту. В какой-то момент он оказался сзади меня, переднее колесо его велосипеда терлось об мое заднее. И... я умышленно вильнул чуть в сторону вправо. Сзади послышался характерный для падающего велосипедиста звук... «Что ж, – подумалось мне. – Не рой яму другому». На финише новичок стоял слегка поцарапанный, но ко мне для выяснения отношений подойти не решился. Видно все понял сам. Кстати, впоследствии он призовых мест в новом для себя городе так ни разу и не занял.

А бросил я занятие велосипедным спортом по причине конфликта с тренером и его сыном. Обычно на соревнованиях Владимир Козин, зная длину моего финиша, использовал меня в качестве «локомотива». Его возможности держать максимальную скорость были в половину короче моих, хотя работая на команду, он мог «протащить» ее те же шестьсот метров. Владимир прекрасно знал все свои плюсы и минусы. «Отдохнув» за моей спиной, он выныривал как раз на своем любимом отрезке, а я почти всегда в итоге оказывался на финише лишь вторым. Такой расклад мне порядком надоел, и я предупредил его:

–На первенстве области не позволю тебе меня использовать. Если не хочешь завалиться на обочину, за мной не приклеивайся.

Правда, этому разговору предшествовал какой-то не запомнившийся конфликт между нами. Он все понял и ничего не ответил...

Наступил первый день самых ответственных в году соревнований – индивидуальная гонка на двадцать пять километров. «Ответственных» – потому что первенство Ивановской области! На улице толи конец августа, толи начало сентября, но погода великолепная. Двадцать три по Цельсию, ветерок умеренный, чуть боковой. У меня прекрасное самочувствие и настроение. Трасса на Писцово – Ярославль хорошо знакома, с обеих сторон укрыта от ветров смешанными лесами. В общем, – жми на педали, любуйся природой, сил не жалея. Первым стартовал неоднократный чемпион области Николай Ягодкин из энергетического института, через пару минут – я. Постепенно приближаюсь к лидеру – сегодня я сильнее. Однако после разворота увидел своими глазами, как тот держится рукой за мотоцикл тренера, который всегда сопровождал своего любимца. Используя двигатель внутреннего сгорания, конечно, развиваешь большую скорость. К тому же абсолютно не затрачивая энергии мышц. Ничего себе! Финишировав, я узнал, что «проиграл» Николаю всего двенадцать секунд. При этом использовал только силу своих тренированных и довольно мощных ног. Обидно, конечно.

Пошел к «победителю», но не поздравлять, а убедить честно признаться в своем мошенничестве. На мои обоснованные претензии он ответил:

–Если я признаюсь в том, как я выиграл, то всю команду снимут с соревнований, а ведь мои товарищи не виноваты. . .

«Удар ниже пояса»... Из солидарности с ребятами пришлось мне хранить его тайну, но на сердце, как ни крути, осталась обида. Грело душу лишь сознание того, что командные гонки мы у всех выиграли достаточно легко. Наступил третий день соревнований, на этот раз – групповая гонка, с личным зачетом. Чемпионом области станет тот, кто во всех видах состязаний наберет максимальное количество очков. Володя Козин все-таки «совету» моему внял. При приближении к финишу за мной не пристроился, в итоге я оказался первым, он – ...пятым. Ну, а команда института в общем зачете стала лишь второй, после химико-технологического института...

Как Козин – старший кричал на меня, обзывая эгоистом, как кричал... И это несмотря на то, что я уже являлся законным чемпионом Ивановской области! Не выдержал, нагрубил в ответ, чего ранее себе никогда не позволял. Наша ссора закончилась моим обещанием «повесить велосипед на гвоздь» и больше в руки его никогда не брать. Слово свое я сдержал несмотря на то, что спортивная карьера на тот момент была в самом разгаре. Потом сильно жалел о скоропалительном решении, но остался верным своему зароку.

В дальнейшем меня неоднократно уговаривали вернуться в спорт – и тренер, и даже декан, мол, по учебе поблажки получишь, но я остался непреклонен.

...Много свободного времени у узника в холодном карцере, очень много. Успеваешь не только вспомнить в мелких деталях каждый свой поступок, но и оценить его... Вот Ягодкина не выдал судейскому комитету, ради ребят из энергоинститута и поступил вроде правильно, а ради своей родной команды не позволил, можно сказать другу, проехать на мне, как на глупом коне. Но как к этому относиться? Вроде как личный интерес поставил выше коллективного – верно ли это? С другой стороны, в групповой гонке каждый сам за себя, и я никому другому не позволил бы себя так эксплуатировать, скинул бы с колеса на обочину. Почему Козин долгое время бесцеремонно пользовался тем, что он – мой друг и товарищ по команде? Не на все вопросы от своей совести получал однозначные ответы, далеко не на все, даже спустя много лет...

...Но как оказался прав наш тренер, когда говорил нам: –Вот вы сейчас переносите тяжелые нагрузки и, конечно, думаете о том, чтобы бросить это самоистязание. Но пройдет время, и вы поймете, что это лучший период в вашей жизни.

В велосипедной секции я познакомился и со своей будущей женой, Натальей Михайловной Горбуновой. Она тоже какое-то время занималась этим видом спорта и даже успела получить первый разряд. В жизни встречаются люди – «ура-

ганы» – у них всегда сильные страсти, они ругаются, мирятся, расходятся, сходятся. А есть люди спокойные и надежные, которые не предадут и по жизни очень предсказуемы. Они где-то промолчат, когда хочется кричать, где-то просто перетерпят, не высказывая своего недовольства. Вот к последнему типу людей и относится моя супруга. Когда отношения с ней подошли к чему-то серьезному немного раньше нашей свадьбы, она только спросила:

– А ты хорошо подумал?

Кстати сказать, и предавать таких людей, на мой взгляд, гораздо сложнее. Забегая вперед, отмечу, что мы вместе прожили более сорока пяти лет, и всегда она находилась рядом. Правда, один раз она меня все-таки «подвела», конечно, не очень серьезно. И об этом мне не терпится рассказать в следующей главе...

Глава 4. «Ты узнаешь, что напрасно называют север крайним...»

В 1975 году я в составе студенческого стройотряда побывал на Крайнем Севере, в Якутии, за Полярным кругом. Там располагался золотой прииск Кулар, а рядом – поселок Власово, который отмечен почти на всех картах СССР, хотя по внешнему виду и количеству жителей он этого как бы и не заслуживал. Но – обо всем по порядку... Полетели мы на север в самом начале лета, всего человек сорок. По планам руководства должны построить там несколько утепленных боксов для грузовых машин. Зарботки были обещаны баснословные по тем временам, да и по студенческим запросам – 1200 рублей. Конечно же, цифра озвучена как ориентировочная. Командиром стройотряда руководство института назначило Сергея Ивахина, такого же студента, как и мы, но постарше по возрасту. Ему на вид лет двадцать восемь – тридцать, и при этом он разбирался в строительстве. Этот момент в нашем случае был крайне важен. В общем, универсальный студент-прораб. Среднего роста, физически хорошо развит, с внушительной мускулатурой, со спокойным и деловым характером и такой же речью. При первом знакомстве он вызывал невольное уважение. Имелся у него и заместитель – Валерий Токарев, лет двадцати пяти, невысокий, щупленький,

с глазами навывкате. О таких людях нередко говорят «скользящий типчик», а я бы добавил к этому и еще наглый. Ивахин взял с собой на заработки и свою супругу, симпатичную женщину его лет, устроил поварихой.

До Якутска летели каким-то большим реактивным самолетом и довольно долго, а вот дальше более двухсот километров, на «кукурузнике», Ан-2. Это что-то с чем-то... Если сравнить полет на этих самолетах с автомашинами, то с одной стороны современный автомобиль на асфальте, а с другой... телега с деревянными колесами на каменке. Впрочем, добрались без особых приключений. Примерно половина отряда, включая и меня, поселилась в школе поселка Власово, благо, наступили каникулы, и она пустовала. Бригадиром у нас Ивахин назначил Токарева. Другая половина во главе с командиром стройотряда проживала, где то недалеко, в другом селении, и за все время нашей работы мы не встречались ни разу. Они строили бетонный гараж на несколько грузовых машин для какой-то государственной организации, а мы такой же, но – из бревен. Строевые деревья, как известно, в этих краях не росли. Лес возили с берега реки Лена километров за семьдесят от нашего селения – за ним ездили сами на колесном тракторе «Т-700».

Сам поселок представлял собой несколько сотен одноэтажных домиков, сколоченных из подручных материалов – в основном досок от сломанных ящиков, положенных в два слоя. Между ними насыпан утеплитель, как правило, опил-

ки. Где их брали, даже представить не могу, наверное, по близости имелась все-таки пилорама. Школа же, в которой мы жили, выстроена из добротных бревен, и довольно большая по размерам. Но что интересно, внутри помещения туалет отсутствовал. Он находился рядом, метрах в пятидесяти, на улице и тоже бревенчатый. Им, кстати, пользовались и жители ближайших домов. Как я помню, кирпичными являлись только одноэтажная общая баня, правда, мужчины и женщины ею пользовались в разные дни, и пожарная часть, в которой дежурила одна специализированная машина и несколько пожарных. Смысл видимо в том, что даже если все вокруг сгорит дотла, пожарная-то часть останется. Ну, и помыться будет где, если что...

В поселке жили в основном рабочие, имевшие отношение к добыче золота – шахтеры, трактористы и другие, разные профильные специалисты, всего – примерно полторы или две тысячи человек, не более того. На все селение имелось два магазина, оба бревенчатые: продовольственный и промтоварный. Продовольственный располагался недалеко от нашего временного жилища. Меня однажды поразило то, что ночью на улице стояла огромная, не менее трехсот человек, очередь – за картошкой и солеными огурцами в банках. Оказался привоз дефицитных продуктов, а случалось подобное совсем не часто. Летом на этих широтах стоят «белые ночи»: солнце выписывает некий круг по небосводу, но не заходит за горизонт. А я побежал в туалет в одних трусах, а тут... та-

кое представление. Даже растерялся спросонья, что для меня совсем не характерно, ... в обычной ситуации.

Подъем у нас в шесть часов утра. Туалет, завтрак и работать на стройку. Обеденный перерыв, где то час, и до двадцати часов – опять трудиться. Однако и заработки обещаны немалые за два – два с половиной месяца. Моя мечта – мотоцикл «Ява», стоила тогда тысяча сто рублей. Ради таких деньжищ никто не ныл и не возражал против продолжительного рабочего дня, явно нарушающего трудовое законодательство союзного государства. Здесь, на стройке, я впервые встретил настоящих трудоголиков, людей, любящих и умеющих работать непрерывно. Они даже курили на ходу. Это Александр Радугин из города Тейково, земляк моей жены, и Николай Сироткин из города Иванова. И они, и я являлись подсобными рабочими, наша задача – поднести, унести, поддержать и помочь. Например, когда таскали строительные бревна, я в силу отменного физического здоровья, мог взвалить на себя сразу два, но потом нуждался в кратковременном отдыхе. Напарники, же брали только одно и вдвоем, зато бегом и без перерывов на отдых. Производительность труда у них оказалась много выше, чем у остальных на таких же работах.

Радугин, как и я, недавно женился и мы с ним поспорили на две бутылки хорошего коньяка, – кому жена будет писать чаще. Год назад я уезжал на подобные заработки, правда в деревню, недалеко от Иванова, и Наташа писала мне каж-

дый день! Поэтому в своей победе я не сомневался. Правда, письмо шло на прииск где-то две недели, столько же и обратно. Однако в этот раз спор я проиграл, без малейших сомнений. Подвела меня супруга, подвела... Позавидовал тогда любви Радугиных, но забегая вперед, скажу – зря. Коньяк – то я купил и отдал. А вот победитель спора по приезде домой в Тейково, встретился со своей женой на перроне, о чем-то поговорил несколько минут и... бросился под отходящий поезд. Естественно, погиб... Узнал я про эту страшную трагедию от кого-то из студентов, с кем вместе ездил на Север, но прямым очевидцем происшедшего он тоже не являлся и пересказал с чьих-то слов. Что можно сказать за пять минут, чтобы довести человека до такого решения? Не могу представить, чтобы любимая супруга Александра затеяла какой-то серьезный разговор при встрече с мужем прямо на вокзале, а ведь она не видела его более двух месяцев. Выяснение отношений обычно происходит с глазу на глаз дома, а не на перроне. Расспрашивать у других общих знакомых о том, что же произошло между супругами, я не стал...

Вернусь к рассказу о Заполярье. Летом температура воздуха прогревалась до тридцати градусов, естественно со знаком плюс, дожди случались крайне редко. Вокруг поселка, насколько хватало обзора, лежала тундра, покрытая сплошным пологом из низкорослых карликовых берез и ивняка. Росло много мха и лишайника, встречались и какие-то цветы, и – невероятное количество брусники, черники, голу-

бики, морошки, костяники. Грибов тоже росло множество – подосиновиков, белых, подберезовиков, волнушек. Собрать такой урожай, наверное, сплошное удовольствие, однако нам на это времени не хватало. Ударную работу сильно осложняла еще одна помеха. Донимали комары. Работая до пояса голыми, мы рисковали быть закусанными вплоть до нервного срыва. Наши работодатели привозили в ведре какую-то жидкость от этих кровососов, мы ею мылись каждые два часа. Я не оговорился, именно «мылись», а не мазались. Из большого бачка ковшом поливали друг друга, размазывая спасительную жидкость по телу. Какой-то промежуток времени мы находились под невидимой защитой. Как-то раз, углубившись в тундру, я наугад хлопнул пустыми ладонями, и с изумлением насчитал около сотни раздавленных «вампиров». Этот факт дает общее представление о количестве возможных укусов.

Однажды и мне и еще одному стройотрядовцу довелось ехать на реку Лену, за строевым лесом. В кабине колесного трактора Т-700 – два студента, и водитель. Дорогой, естественно, разговаривали, в основном об условиях жизни здесь в зимнее время. Шофер оказался разговорчивым. Вдруг он нам предложил прокатиться всего семнадцать километров в сторону от маршрута и посмотреть на Ледовитый океан. До сих пор сожалею, что отказались, так как торопились загрузиться стройматериалами. Неожиданно случилось небольшое, но неприятное для меня происшествие. Водитель уви-

дел в тундре куропатку, остановил свой трактор и достал из-за сиденья охотничье ружье. Но маскировка у птицы оказалась на высоте, и охотник, потеряв ее из виду, не знал куда стрелять. А у меня тогда глаз был зоркий, а ум «короткий», и я показал рукой прямо на беззащитную жертву. Раздался меткий выстрел, который вместе с куропаткой запоздало, поразил и мою совесть. Нехорошо стало на душе. В очередной раз спросил себя: зачем? Тем не менее, поздним вечером мы вернулись в поселок со стройматериалами, которые еще надо было и разгрузить.

Запомнилась экскурсия на шахту, где непосредственно добывали золото. Организовало ее наше руководство по договоренности с начальством золотого прииска, естественно, в выходной день, коих у нас за пару месяцев насчиталось не более пяти. Привезли нас туда через тундру на каком-то стареньком автобусе. Ехали недолго, где – то около получаса. Под землю спускались пешком по пологой тропинке. Рядом тархтел непрерывно работающий конвейер, доставляющий грунт на поверхность. В одном месте, прямо над головой, виднелся огромный камень, и передвигаться под ним довольно жутковато. Подумалось: ведь рано или поздно он упадет и хорошо, если не на чью-то голову. А шахтеры здесь ходили каждый день и не по одному разу. Наверное привыкли и уже не опасались...

Подземный грунт наверху разравнивали мощными американскими бульдозерами марки «Катерпиллер», – все они яр-

ко-желтого цвета. Потом землю обильно поливали водой из брандспойтов, типа пожарных, тяжелое золото оставалось, в основном на месте, а легкая грунтовая земля разлеталась во все стороны. Давление воды такое, что по рассказам приставленного к нам представителя прииска, кому-то даже сломало руку. После активной водной обработки обогащенной породы ее собирали в металлические бочки и опечатывали. Из любопытства я немного достал земли оттуда пальцем, тщательно разглядел, но даже золотой пылинки не увидел. Заканчивался технологический процесс тем, что обогащенную породу из этих бочек загружали в огромные вращающиеся барабаны и снова промывали водой. Из нескольких тонн породы за восемь-десять часов намывали несколько граммов драгоценного металла.

– А кражи золота у вас случаются? – полюбопытствовал я у нашего гида.

– Нет, конечно, но у всех рабочих имеются печатки, кольца из чистого золота, опять же – зубы золотые... – ответил он.

При этом показал красивую печатку и кольцо на пальцах, блеснув «золотой» улыбкой. Мне стало ясно, что эти вещи имеют прямое отношение к его работе на прииске.

...Пытаюсь в почти родном карцере припомнить из своей жизни: хотя бы раз, я использовал работу в личных интересах? Но..., либо память коротка, либо этого просто не случилось. А вот мои недруги почему-то легко идут на долж-

ностные преступления ради моего «наказания»? И совесть их, похоже, нисколько не мучает... Тема для меня оказалась «больной», даже отбросил ручку и блокнот, задумался. Ну, допустим, у них все получилось – я отхватил свои незаслуженные двенадцать лет на «зоне», а они получили очередные или даже внеочередные звания. Однако радость от этих событий быстро пройдет. И ради новых каких-то благ опять придется идти на должностное преступление? А надо бы помнить – реально пословица работает: «Как веревочке не виться...». Да и «закон бумеранга» опять же никто не отменял...

...Лето за полярным кругом короткое, в конце августа уже начались ночные заморозки, а однажды даже выпал снег. Но и деятельность наша подходила к концу. Когда мы, согласно договору, построили все гаражи, деньги за работу нам сразу не выдали. Командир стройотряда Ивахин сказал, что расплатится в Иваново прямо в институте, после перечисления денег организацией заказчика. Мы поверили, впрочем, как и тому, что надо везти два тяжелых чемодана с бивнями мамонта, якобы, для ивановского музея. Один чемодан доставить в Иваново бригадир Токарев поручил лично мне...

Впоследствии оказалось, что тащил я тогда на себе не бивни древнего животного, а украденную у нас же тушенку в банках, предназначенную, кстати, для нашего же питания в период строительства. Об этом примерно через месяц во время студенческой вечеринки проговорился нетрезвый Ва-

лерий Токарев в кругу своих друзей. Он выставил ее на стол и смеялся надо мной, ведь я нес чемодан, думая, что помогаю краеведческому музею. Кто-то из его товарищей по доброте душевной поделился этой информацией со мной. О цели данного поступка я задумываться не стал, захлестывали злоба и обида. А жил этот любитель тушенки в общежитии текстильного института; узнать, в какой комнате труда не составило...

Выдержать насмешек я, конечно, не смог и прекратил их привычным для меня способом. Вызвал наглеца на улицу и после двух вопросов-ответов, он уже лежал без сознания на земле. Когда к нему вернулась способность говорить, я заодно спросил и про зарплату, правильно ли с нами рассчитался Ивахин. Тот выдал стройотрядовцам всего по шестьсот пятьдесят рублей за два с лишним месяца тяжелой работы. Не знаю почему, но Токарев разоткровенничался и пояснил мне, что и с деньгами нас обманули, украв у каждого по четыреста рублей. Видно, у меня уже тогда имелся скрытый талант «расколоть» человека, убедить его говорить правду. А может мой сильный удар с правой руки разбудил спящую до этого совесть?

Естественно, полученной информацией я не мог не поделиться с другими членами «клуба обманутых пайщиков». В общем, организовалась инициативная группа из шести человек; остальные или не поверили, или не захотели связываться с авторитетными в институте жуликами. Поговорили

мы со своим бывшим командиром; оказывается, он подробно знал о моей «душевной беседе» с его заместителем, поэтому особо отпираться не стал и доплатил по триста пятьдесят рублей. Но – только тем, кто находился со мной, хотя практически до каждого участника дальней командировки мы довели причину и результат расследования факта мошенничества, совершенного бывшим и непорядочным командиром студенческого отряда. Я-то думал, оставшиеся обманутыми стройотрядовцы организуются в группы и рванут к Ивахину в поисках справедливости. Однако никто ничего предпринимать не стал; вот если бы за них кто-то сходил и добился правды, тогда они сказали бы спасибо. Даже с милицией никто не захотел связываться...

...Тяжелые думки в «склепе» легко объясняют, почему с правоохранителями никто не хочет иметь дел без крайней необходимости... Деньги способны легко решить вопрос и в органах, призванных защищать народные интересы, а не свои. Причем в любую сторону – обвинения или оправдания. Такая уж у них репутация среди простых людей. Правда, если просто логически поразмышлять – ну не один же такой честный я там трудился? Наверное, срабатывает принцип «одной ложки дегтя в бочке меда». Кто-то попал на недобросовестных правоохранителей, поделился с близкими друзьями, и... сложилось мнение. А в «плохую милицию» (тем более полицию) люди почему-то верят легче ...

Глава 5. Студенческие забавы

В студенческие годы мы любили давать друг другу клички. И у меня она, конечно, имелась – производная от моей фамилии. Это наиболее простой и часто встречающийся вариант, однако иногда весьма неожиданно появляются «ситуационные прозвища». Про один подобный случай хочу поведать следующую историю... Определенная компания учащихся, и я в том числе, любили собраться в одной из комнат общежития и поиграть в карты. Немудреная игра, называлась «трынка», это когда делят на игроков по три карты, каждый кладет на кон деньги, подразумевается в соответствии с образовавшимся раскладом, но чем больше, тем тревожнее партнерам-конкурентам. На этом и строится блеф (значительные наличные подразумевают хорошие карты), а затем по общему согласию смотрят – у кого больше очков, тот и выигрывает всю казну, лежащую на кону.

Как – то во время игры в комнату вошел Юра Березкин. Внешне он выглядел полным, солидным – носил всегда костюм и галстук. О таких людях иногда говорят, мол, имеет директорскую наружность. Юра протянул руку, чтобы поздороваться с каждым из нас, но при этом запнулся на стоявший на полу чайник. Задумчиво посмотрел вниз и озадаченно произнес «чайник!». Кто-то протянул ему руку и представился:

–Николай...

Все засмеялись. А в итоге до конца обучения Березкин имел прозвище «Чайник».

...Этот вспомнившийся случай слегка развеселил узника, то бишь меня. Ведь в тюрьме для получения прозвища – «кликухи» надо пройти целый ритуал. Безусловно, самых низких каст эков это не касалось. Претенденту на «погоняло» (кличку) в его камере предлагалось несколько вариантов. Он выбирал, а вечером после проверки озвучивал ее через окно громким криком. Если же не хватало собственной фантазии, надо крикнуть в окно: «Тюрьма, тюрьмушка, дай мне погремушку». И всегда находился тот, кто озвучивал «кликуху», как правило, не оскорбительную, но она прилипала к человеку на всю оставшуюся жизнь...

С игрой в карты связаны еще два случая, о которых я бы хотел рассказать. Учился с нами студент, и большой любитель игры в «трынку», по фамилии Полетаев. Высокий, очень здоровый внешне, деревенский парень с густыми цвета соломы непослушными волосами на голове. Сельская простота парня, граничащая с грубостью, заставляла всех нас относиться к нему с осторожностью. Когда набиралась полная команда для игры в карты, мы запирались изнутри и никому не открывали. Зная это, деревенский богатырь мог запросто выбить дверь ногой и войти. Обычно замечания ему никто не делал – опасались. Но однажды он мне сильно помог. И не столько физически, сколько морально...

Однажды в институте перед самой лекцией у меня возникли полемические разногласия по «национальному вопросу» со студентом – узбеком. Причину этого спора плавно переросшего в легкую потасовку сейчас и не вспомнить. Но абсолютно точно я вышел победителем. Как там поется у любимого мною В.С. Высоцкого:

«Я здоров, к чему скрывать!
Я пятаки могу ломать,
Я недавно головой быка убил».

В общем, оскорбился на меня сильно представитель национальных меньшинств. А в Узбекистане у него проживал родной брат, довольно известный боксер, который, видимо, всегда заступался за родню. Не знаю, для этого или просто соскучившись по брату, тот приехал в Иваново. Видимо, побитый родственник пожаловался на своего обидчика. И во время наших картежных развлечений узбеки вдвоем зашли к нам в комнату и пригласили меня на улицу «поговорить». Понимая, что сейчас будут бить долго и больно, а возможно даже ногами, я спросил присутствующих, не хочет ли кто помочь мне? Все опустили головы и молчали, а Полетаев встал и сказал:

– Пошли, я помогу.

Я сразу повеселел, посчитав, что победа у нас в кармане, и мы вышли во двор общежития. Напротив меня встал боксер. Чужая неминуемая драка, я первый справа дал хорошего крюка узбеку. Тот, видимо, не ожидал такого сильного удара

и упал на землю. А я, зная, что он боец не простой, нарушил свое же правило – не бить лежачего, продолжал молотить его обеими руками. Соперник потерял сознание, и я поглядел в сторону другой пары драчунов. Полетаев лежал на земле, а разъяренный узбек, продолжал наносить ему беспорядочные удары. Я мгновенно подлетел и сильным прямым «кроссом» уложил на землю дерзкого представителя инородного народа. Деревенский богатырь, между тем, задней частью тела застрял в какой-то яме, и выбраться из нее и встать без моей помощи не мог. Пришлось помогать... А в это время очнулся боксер, оказавшийся сзади меня и на ногах. К счастью, он в себя не успел прийти, голова-то была еще мутная, и я вновь отправил его в нокаут. Ушло-то у меня на это несколько секунд, но даже за столь короткое время мой добровольный помощник умудрился распластаться на земле и... его опять били. Пришлось еще раз нейтрализовать его соперника, на этот раз – надолго. Когда мы вернулись в комнату, где нас ожидала «игровая компания», Полетаев молчал, а я с присущим мне юмором и определенной долей хвастовства поведал о том, что произошло на улице. После этого случая при мне деревенский богатырь своей силой больше не хвастался, да и я опасаться его совсем перестал, хотя благодарность за помощь высказал. Вот уж действительно, «не так страшен черт, как его малюют».

...Сидя в следственном изоляторе, я заново переосмысливал понятие «друг» и примерял его на тех, с кем сводила

жизнь. Да, все, кто прошел со мной через тюрьму и прочие испытания, не предал, не убрал плечо, когда я в нем нуждался – настоящие друзья и до сих пор таковыми остаются. А вот в институте среди тех же «картежников», с которыми я регулярно общался, иногда вместе отмечали праздники или какие-то события, имелись ли те, о ком я мог сказать то же самое? Фамилии некоторых помню до сих пор – Коля Воронин, Витя Галанов, Юра Березкин, тот же Полетаев... И прихожу к выводу, что все они просто «попутчики», друзьями их назвать можно лишь с большой натяжкой, ведь кроме учебы и карт нас ничего не связывало. Не случайно после окончания института мы затерялись как в море корабли и связи между собой не поддерживали.

Почему-то на память пришло еще одно подобное скандальное событие. Говорят, где азартные игры, там и нечистая сила; конфликты при этом являются обычным делом. Наверное, когда то я словесно обидел тех, с кем играл в карты, да так, что они решили меня проучить. И... совсем не вербально, а физически. Может быть, сыграло роль то, что я в те годы любил похвастать своей силой и непобедимостью. Таким людям окружающие чаще всего хотят доказать, что в жизни не бывает никаких суперменов. Мысль, что все такие же, как и я, позволяют спокойно жить и чувствовать себя вполне комфортно. Точного ответа на вопрос, зачем и почему у картежников появилось желание меня наказать по взрослому, я не знаю.

Но факт остается фактом... Любители поиграть в тринку, наняли за деньги своего знакомого боксера, чтобы тот побил меня как следует на радость картежному коллективу. Видимо хотели доступно объяснить, что и на меня есть управа. Мои предыдущие успехи их ни в чем не убедили, мол, соперники-то были, ну очень слабые. Помню за столом, где мы шшестером играли в карты, сидел незнакомый мне парень. На вид лет двадцати пяти, среднего роста и крепкий такой. На пиджаке красовался значок перворазрядника по боксу. Он не играл, но, то и дело придирался к каждому моему слову. Остальные просто загадочно улыбались. Продолжалось это действо минут двадцать. Наконец, нервы сдали...

– Чего ты хочешь? – спросил я незнакомца.

– Хочу немного разукрасить твою физиономию, – ответил тот неожиданно откровенно.

Понятно, что после этих слов все присутствовавшие в комнате оказались на улице. В те времена я любил носить светло-серый плащ и такого же цвета шляпу с большими полями. Аккуратно повесил их на сучки ближайшего дерева, и остался в рубашке «на голое тело». На улице уже стояла осень, и сначала мне показалось немного прохладно. Но как только я получил пару ударов по лицу, температура моего тела почти мгновенно повысилась. Бой проходил примерно в таком режиме: на два-три точных попадания в мою голову, я отвечал одним, но более сильным. Остальные играли роль зрителей и явно радовались, когда я пропускал удар. Вскоре

соперник стал обнаруживать замедленную реакцию на мои выпады, видимо, потрянул я его голову неслабо. Его же атаки хоть и более точные особого впечатления на меня не производили. В азарте, не обращая внимания на пропущенные удары, я пошел на приступ. И упал боец, упал, как подкошенный! Бокс боксом, но супротив яростного русского духа и он слабоват будет.

Однако оказалось, что это еще не конец: почти все зрители, с криками: «Бей его!», бросились на меня. Причем со всех сторон... К счастью, нападавшие оказались явно не готовы к атаке – не размялись, не разогрелись, а я-то находился на пике формы. Пали они, как снопы, падали и не вставали. Не зря, видимо, я столько времени уделял своей боевой подготовке; даже пока занимался велосипедным спортом, не переставал в свободное время колотить по боксерской груше. Мои же нынешние «соперники» тяжелее стакана с водой ничего не поднимали, а бокс смотрели только по телевизору. Наконец, все закончилось... Как можно спокойнее, я надел плащ, шляпу, плюнул на землю; выражая поверженным свое презрение, и медленно ушел. На другой день ни одного из картежников на занятиях я не встретил.

...Случай, связанный с этой дракой, в каком бы свете меня ни показывал, я все-таки решил оставить в своих рассказах. Одной из причин является то, что ассоциируется он у меня с далеким будущим и связан с ним непонятным образом. Речь идет о суде 2008года, когда сначала прокурор Сер-

гей Юрьевич Торгуев стал задавать довольно каверзные вопросы. На них я с трудом, но находил ответы, затем подключились председательствующая Юлия Владимировна Андреева – Струнина, а следом присяжные, и... даже адвокаты. Присяжные, кстати, могли задать вопрос, только, запиской председательствующему, а тот их должен озвучивать. У меня остались определенные сомнения в их авторстве. Вопросы сыпались со всех сторон, появилось ощущение, что все напали разом... Я отбивался, как мог, не теряя самообладания. В итоге оказалось, что и один в поле воин, если бьется за правду. К концу этого тяжелого для меня заседания, я получил хорошую оценку, как со стороны «подельников», так и адвокатов. Себя они оправдали тем, что хотели мне помочь, мол, своими вопросами вывести на правильные ответы. Однако по моим ощущениям они преследовали иные цели. Впрочем, я забежал далеко вперед...

Глава 6. Иваново до свидания. Здравствуй Кинешма

Время шло, остались позади успешная сдача диплома и два года, проведенные в конструкторском бюро по улице Попова города Иваново, куда я попал по распределению. Работа, кстати, оказалась интересной, творческой. Только вот зарплата крайне низкая – сто десять рублей в месяц. Да и глаза всего за два года напряженной деятельности сильно испортились, врачи рекомендовали постоянно носить очки. Забегая вперед, скажу, что до сих пор нет никакой необходимости в оптических линзах; использую их только, когда читаю мелкий шрифт. Из непосредственно самой работы запомнилось еще то, что за такую оплату и темпы деятельности у конструкторов соответствующие: ударником бесплатного труда никто быть не желал.

А я молодой специалист, не понимал этой интриги, и чертежи, которые можно сделать за день, делал именно один день, а не неделю. Инженеры в отделе оказались разбиты на небольшие профессиональные группы во главе с ведущим конструктором, у всех определеннй план сдачи проектов. После института выпускников назначали конструкторами только третьей категории, которые, по сути, «на подхвате» у профессионалов более высокой квалификации. И меня

после того, как я в своей группе выполнял всю несложную работу, передавали в помощь другим группам. И это вместо того, чтобы порекомендовать, больше отдыхать, помедленнее чертить. Таким образом я потрудился практически во всех коллективах, пока во время перекура кто-то из старых конструкторов не пожалел меня и не объяснил хитрого расчета своего рабочего времени. Выполнять чертежи, которые мне поручали, после этого я стал гораздо медленнее. Что интересно, все восприняли новый режим труда как должное и никаких замечаний не последовало.

При предприятии имелись и некоторые спортивные секции. Заниматься, естественно, можно только в свободное от производственной деятельности время. Вскоре появилась и секция дзюдо; экзотическое название этого вида японской борьбы привлекло и меня. Помню первую вечернюю тренировку в спортзале при нашем предприятии. Молодой тренер в белом кимоно учил нас безболезненно падать на голый деревянный пол. Очень быстро всем это занятие надоело, и я попросил его показать хотя бы один боевой прием. Он показал, ... да так, что у меня оказался перелом правой ключицы. Боец выбыл из строя и надолго. Гипс в поликлинике наложили во всю руку, к тому же медики согнули ее в локте, так что рука была параллельна плечу. Короче, настоящий «вертолет». Месяц я «летал» на больничном листе – потренировался, называется.

При снятии гипса незадачливому дзюдоисту рекомендо-

валась лечебная физкультура в специальном кабинете при поликлинике рядом с площадью Багаева. Там пожилая женщина завершила, что я преждевременно пришел:

– Надо через месяц, не раньше, начать восстанавливать работоспособность конечности по специальной методике. Постепенно увеличивая нагрузки...

Она не знала, кому советовала! Неужели такой упрямый, нетерпеливый и самоуверенный «супермен» мог быть таким, как все? Так примерно о себе я думал в те времена. В результате разработал домашние упражнения самолично. Правда, «постепенность» пришлось все же оставить, но явно не такую, что имел в виду медицинский инструктор. А через месяц пришел в назначенный кабинет. Медсестра и по совместительству тренер начала реабилитационный процесс:

– Для начала левой здоровой рукой, аккуратно приподнимите правую, пострадавшую...

Я непроизвольно ухмыльнулся. А на полу стояла двухпудовая гиря, и пациент «пострадавшей» рукой легко поднял ее десять раз на глазах у изумленного тренера. В общем, выписали меня на работу сразу, без всяких физиотерапевтических процедур. А мог бы еще месяц «на больничном листе» отдыхать...

... Записав этот эпизод в свою общую тетрадь, в душе улыбнулся. Подумалось, в тюрьме отдохну за всю переработку там, на воле. Лишь бы не устать от этого самого «отдыха»... Чу, кто-то идет по коридору к «моей» двери. Конво-

ир заглянул в «глазок», куда- то сейчас поведут. Надеюсь не на расстрел, а на прогулку во дворик...или к фельдшеру на медосмотр. Других причин для вывода из карцерной камеры практически нет. Когда говорят: « День сурка» – это о таких местах, где день на день похож, как близнецы. Иногда, кажется – начнись война, а здесь все останется без изменений...

...В 1979 году моя жена Наташа окончила тот же текстильный институт и ей предоставлялась возможность выбрать по распределению будущее место жительства и работы. Мы с ней и сыном Сергеем на семейном совете решили переехать на постоянное проживание в Кинешму, красивый город на Волге. Выбор обусловлен не только красотами природы, а и более «приземленными» вещами – обещана бесплатная квартира в течение двух лет. Для молодой семьи это супер важно. Что интересно, необходимые вещи перевозили на мотоцикле с коляской. Имелась тогда у меня такая техника – «Иж Юпитер-3». Согласно распределению и я, и Наташа устроились на фабрику № 2 – она начальником ленто – ровничного цеха, правда, перед этим, ей пришлось какое-то время поработать здесь мастером, а я – механиком новой ткацкой фабрики. Сейчас трудно поверить, но в те времена предприятие работало на все сто процентов. На благо Родины здесь трудилось свыше полутора тысяч человек, к тому же в две смены. Не знаю, насколько фабрика процветала, но для своих рабочих регулярно возводила пя-

тиэтажные жилые здания. Очередь на получение жилья постоянно уменьшалась. На первых порах мы жили в общежитии на улице Королева. Однако вскоре получили от предприятия отдельную, хотя и небольшую квартиру на пятом этаже в малосемейке на той, же улице. Это невообразимая радость для молодой пары с малолетним сыном! Как не вспоминать советские времена с теплотой и любовью?

Я с двенадцати лет упорно и ежедневно тренировал свой дух и тело, так как считал обязанностью всякого мужчины уметь защищать и себя, и своих близких. Дома всегда имелись гири – двадцати четырех и тридцати двух килограммовые, гантели. В сарае, который приобрели сразу же по получении отдельного жилья, висела самодельная груша – мешок из плотной ткани, набитый сухими опилками. Ее я регулярно молотил тяжелыми кулаками. Терпеть не мог несправедливость – даже по отношению к незнакомому человеку, и драк при этом не избегал. Честно сказать, мне даже нравилось, когда «нехороший индивид» летел на землю от моего удара и замирал. Иногда одновременно три и даже четыре мужика оказывались в положении жертвы моего буйного характера. Сам битым практически никогда не был, лишь – слегка поцарапанным. Гордиться такими «подвигами» перестал после того, как сама судьба предоставила достаточно времени хорошо и обстоятельно подумать о своей жизни.

...Наверное, нередко можно решить вопрос иначе, без драк, гневных эмоций. Но на какие-то размышления и оцен-

ку той или иной ситуации, времени, как правило, совсем не хватало. Решения порой надо принимать мгновенно. Другое дело здесь – среди влажных стен. Есть время спокойно оценить все произошедшие когда-то со мной события. Тем более в прошлом... Да и сам карцер как бы умиротворяет: конфликтовать не с кем – сиди, вспоминай, переосмысливай... При этом от того, как ты здесь поступишь, очень мало что зависит, ведь находишься во власти сотрудников изолятора и... этих мокрых толстых стен. Кстати сказать, лишь в следственном изоляторе узнал, что страдаю клаустрофобией и в карцере для нее созданы все необходимые условия. Она была вполне довольна, я – нет. Но поделаться с этим ничего нельзя. «Терпи казак, а то... мамой будешь». Вспомнился случай, когда вроде бы сделал все правильно, хотя и не совсем законными методами...

Как-то раз по зиме, примерно, в 1979 году, мы с супругой навестили моих родителей, которые в то время проживали в Иваново на 20-й Линии. Пообщались денек и решили прокатиться в город Тейково к любимым мною теще и тестю. Мама жены Нина Петровна Горбунова и отец Михаил Алексеевич Горбунов встречали нас всегда с нескрываемой радостью и гостеприимством. Поэтому, если бы они узнали, что мы были в областном центре и к ним не заехали, то сильно огорчились. От 20-й Линии ближе расположена станция «Текстильный», чем центральный вокзал, поэтому мы двинули именно туда. Приехали за час до прибытия поезда, взя-

ли билеты и мирно сидели в зале ожидания. На улице-то холодно, несмотря на наш зимний прикид...

Здесь же в зале, на соседней лавочке, пятеро местных хулиганов примерно моего возраста, но не такие крепкие телосложением приставали к девушке, уговаривая ее никуда не ехать, а остаться с ними. Как я понял, юной леди они оказались не знакомы, и бедная не знала, как от них отвязаться. Находился в этом зале еще неприметный, невысокий паренек, который неотрывно смотрел на происходящее и похоже ему оно тоже не нравилось. Мне очень хотелось исправить неправильную ситуацию. Однако жена, хорошо зная меня и видя, что назревает неравная драка, в которой могу пострадать, силой вывела меня на улицу. Ну, не бороться же мне с супругой на глазах у посторонних людей. И мы пошли на платформу вокзала прямо к железнодорожным путям. До появления локомотива оставалось минут двадцать.

Вдруг сзади послышались крики и, обернувшись, мы увидели, что тот неприметный паренек перочинным ножом пытается ударить окруживших его хулиганов. Мне показалось это слишком, и я побежал на помощь смельчаку. Увидев здорового мужика и не зная, на чьей он стороне, герой-одиночка замахнулся ножом и в мою сторону. Хулиганье, очевидно, тоже хотело принять меня в свои ряды. Я крикнул парню:

–Убери нож, я на твоей стороне и помогу.

Герой доверился, нож убрал. Я сразу же ударил в область головы ближайшего злодея. Тот без сознания рухнул

на снег... А в драке паренек оказался неплохим бойцом, не ожидал я от него существенной помощи, но двух «оппонентов» он уложил на землю ударом своих рук довольно быстро. Может тоже увлекался боксом? Остальные познакомились с моими кулаками. На все – про все у нас ушло минут пять. Оказалось, что после моего ухода местные озорники, вырвали у девчонки билет из рук и разорвали. Девушка заревела, и паренек не выдержал, заступился. Всегда уважал таких неравнодушных и смелых людей, ведь именно такие мужики и слабого человека защитят, и за Родину погибнут не раздумывая. А еще он мне поведал, что отбывает наказание по решению суда «на химии» и если узнают про эту драку, его могут реально отправить на «зону»...

...Но в следственном изоляторе в моей голове возникла и другая мысль, ударь он серьезно кого-то ножом, – сидеть ему здесь со мной на соседних нарах. Таков Закон, но справедлив ли он? Порой порывы сердца идут с ним вразрез. Много подобных случаев, о которых где-то слышал или читал, пришли на память. Заступился, не рассчитал своих сил – оказался в тюрьме. Мне кажется, если доказано, что «заступился» или «защищался» не должен человек лишаться свободы при любом исходе для нападавшего бандита. Принцип простой – не нападай, не пострадаешь...

...Тем временем подходил пассажирский состав. И вдруг кто-то крикнул:

– Смотри! Сзади!

Я увидел пришедшего в себя хулигана с колом в руках, как в деревнях говорили, – с «дрыном». Намерения его казались очевидны. К счастью, дело происходило, как я упоминал зимой, и мода на собачьи шапки оказалась повальной. Как раз такой убор и прикрывал мою голову. Я не мог отклониться назад, чтобы избежать удара – имелся риск попасть под поезд, и принял удар местом, где в принципе должен храниться мозг. Кол... не выдержал и сломался. В руках у нападавшего правонарушителя остался небольшой обломок, я же стоял, как ни в чем не бывало. Парень явно растерялся.

– Ну и что дальше будешь делать, – спокойно спросил я, не двигаясь с места.

Ничего не ответив, он трусливо побежал. Но разве я мог его просто отпустить? Пришлось догнать и еще раз отправить в нокаут. Когда уселись в вагон, я ждал одобрения со стороны супруги, а она заявила:

– С тобой ездить никуда нельзя. Ты везде затеваешь драки...

Подобный случай имел место ранее – примерно в 1973 году, только с... колхозным быком. В те времена, обычно осенью, студентов отправляли в колхозы, помогать в уборке урожая. В первый день решались бытовые вопросы, а уже на другой с утра – иди, работай. Наша бригада состояла из несколько парней и симпатичных девчонок, ей колхозный бригадир определил вполне конкретный фронт работ – собрать картофель, поднятый специальной техникой из зем-

ли, в большие холщовые мешки. А невдалеке пасся довольно мощный бык с кольцом в носу. Он все ближе и ближе подходил к нам – похоже, девчонки ему тоже нравились. Однако не взаимно, как оказалось, красавицы завизжали от страха. Я, как «истинный рыцарь», вырвал кол из ближайшей ограды и устремился на нарушителя спокойствия. Говорят, смелость города берет, но нередко она граничит с глупостью. Бык, наверное, не поверил глазам своим, заметив отчаянного смельчака, тем не менее, побежал. Я – за ним. Догнал, замахнулся, хотел как следует ударить по хребтине, но... промахнулся и о землю сломал свое «оружие». В руках остался ни на что не годный обломок, который я швырнул в соперника, не причинив тому никакого вреда. А сам – рванул наутек, поближе к своим сокурсникам.

Бычара видимо решил восстановить свой статус-кво, и двинулся за мной. Парни предусмотрительно залезли на стог сена, который стоял недалеко от картофельного поля, и затащили следом девчонок. Таким образом, все находились в полной безопасности, и только мне ничего не оставалось, как бегать вокруг стожка. Мощное животное догоняло – медленно, но уверенно и...неотвратимо. Так мы с ним сделали несколько кругов друг за другом, пока кто-то из ребят не догадался протянуть мне сверху руку. Я ухватился за нее и в мгновение ока оказался вместе со всеми. Девчонки стали подтрунивать надо мной – типа, как я быстро бегаю. А я отдышался и с серьезным видом заявил:

– Рано вы меня подняли, еще бы чуть- чуть и я догнал его.

Все рассмеялись, при этом кто- то от смеха чуть не свалился на землю... Однако мы долго ждали, пока бык успокоится, забудет обиду и уйдет. В дальнейшем, я с ним старался не встречаться – кто знает, что на уме у этого гиганта?

...Опять пытаюсь договориться с совестью, рассуждая на деревянных нарах: «А чем хулиганы на вокзале отличались от этого колхозного быка? И те, как и он, на какие-то «воспитательные» разговоры реагируют одинаково агрессивно. Понимают только язык силы. Так может быть, в данном случае я поступил правильно? Или надо кричать: «Милиция, помогите»? Будет ли после этого жена меня уважать? Да и сам себя не стану презирать?». С другой стороны, что лучше воспитывает – тюрьма, которая озлобляет людей в ней побывавших или хороший удар в челюсть во время нанесенный...?

Где то в глубине души я сам всегда осуждал любые драки, но иногда, когда в результате восстанавливалась справедливость, ощущал глубокое удовлетворение, а порой – даже гордость. Об одном из таких случаев хотелось бы рассказать. Не помню, работал ли тогда я еще на фабрике, или уже в милиции, да это и неважно. Ехал я как-то вечером домой в автобусе №1 из центра города на вторую фабрику. Пассажиров, как всегда, оказалось много, и я стоял у заднего окна и думал о чем-то своем. На сиденье ко мне лицом сидела молодая женщина с ребенком-грудничком. Он вел себя тихо, наверное, спал. Перед ее ногами находилась металлическая

перегородка, обычная для городских автобусов. На нее-то и уперся своими руками, на кистях которых виднелись тюремные наколки, крепкий молодой и высокий парень. Судя по внешнему виду – сильно пьяный. Мужчина дремал и непроизвольно опускал руки прямо на лицо ребенка. Судя по реакции мамыши, бывший зэк ей незнаком. Необходимо отметить, что женщине он не грубил. Дремота одолевала его, и руки снова оказывались возле лица младенца, а то и на нем. Я пока молчал, не желая скандала в общественном месте, тем более в автобусе ехало несколько моих знакомых. А какой-то интеллигентного вида молодой человек не выдержал и сделал достаточно вежливое замечание нетрезвому гражданину. В ответ послышалась блатная тирада, из которой не матерными оказались только два слова: «дам в морду». Молодой человек, сраженный в этом словесном бою, сразу же вышел из салона автобуса на ближайшей остановке.

Картина не менялась... Следующее замечание нарушителю спокойствия сделал другой мужчина, на вид гораздо менее интеллигентный, но удар «пьяного мастера» ему в лицо отбил желание продолжать урезонивать хулигана. Мужчина тоже покинул автобус. Меня внутренне трясло от возмущения происходящим, и в голове созрел довольно коварный план. Однако осуществить его хотелось в своем родном районе, чтобы не ждать следующего автобуса. Бог услышал мою просьбу: хулиган доехал точно до «моей» остановки и вышел. Я – сразу следом. И ... какое везение: он пошел про-

улком, по направлению к моему дому. Стояла зима, на улице темно и морозно, под ногами узкая тропинка среди сугробов. «Намеченная жертва» двигалась чуть впереди меня. Снег скрипел под его ногами. Тишина... Ни лая собак, ни других посторонних звуков. А я знал несколько слов, очень оскорбительных для людей, побывавших в местах не столь отдаленных. И неожиданно громко их высказал.

Парень обернулся и спросил:

– Это ты мне?

– Тебе, тебе, пидорок, – ответил я утвердительно.

Он, видя перед собой человека старше себя и много ниже ростом, решил зря времени не терять, и с каким-то воинственным криком рванул в мою сторону. Наверное, в разъяренном мозгу оскорбленного до глубины души зэка вертелось что-то типа: «Разорву, как бобик грелку!». Я же – не спеша поставил ноги в положение наиболее устойчивого равновесия, и когда дистанция между нами сократилась до длины моей руки, с силой выбросил ее вперед и в челюсть тому, кого хотел поучить хорошим манерам. Нокаут оказался глубоким, о чем я сожалел, так как не вся еще злоба выплеснулась изнутри. Хотелось еще раз пять-шесть положить его на землю мощными ударами обеих рук. Но... лежачих я старался не бить, тем более тех, кто потерял сознание. Да и какой смысл? Он все равно ничего не поймет.

Что делать? Немного постоял в надежде, что соперник все-таки поднимется, но бездействие быстро надоело, и мне

ничего не оставалось, как покинуть неподвижное тело. Однако беспокойство, мол, не убил ли невзначай хулигана, заставило остановиться и понаблюдать за обстановкой из-за угла ближайшего дома. А погода-то морозная настолько, что на снегу можно быстро и замерзнуть до смерти. Это в мои планы не входило... Минут через пять – десять по этой же тропинке неторопливо двинулись мужчина и женщина, как мне показалось, оба – примерно пятидесяти лет. Естественно, лежавшего парня им не обойти, кругом сугробы, и они начали его тормозить. Думали, наверное, что тот просто заснул. Мол, перепил, с кем не бывает? После определенных усилий парень с помощью немолодых людей поднялся на ноги. И вот что обидно, ни я – за преподанный урок, ни пожилые прохожие так и не дождались от парня элементарного «спасибо». А ведь они явно спасли его от замерзания, я от неправильного поведения в будущем. Так и пришлось уйти домой не отблагодаренным. Прошло много лет, но ни разу не пожалел о том, что сделал в тот вечер...

...Даже сидя в холодном карцере, куда качнулся «маятник моей судьбы», снова и снова просматривая в своей памяти «ленту событий», я утверждался в правильности своего поступка. Отсутствовала убежденность лишь в том, что одним ударом перевоспитал человека, кого не смогла исправить тюрьма. Но я надеюсь, в другой раз парень поостережется вести себя так в общественном месте. Ведь все люди разные, не все – слабые, трусливые и безразличные. И всякое

зло должно быть наказано – это мое твердое убеждение. А правовым методом или нет, это уже вопрос пятый...

Глава 7. Наша служба и опасна и трудна

Наверное, неслучайно такое болезненное чувство справедливости, воспитанное во мне с малолетства родителями, влекло меня на работу в милицию. Я полагал, что там работают только честные, справедливые, «правильные» люди. Это мнение во многом сложилось из прочитанных книг и просмотренных фильмов о сотрудниках правоохранительных органов советского времени. Как же я ошибался! В милиции, как и в любом другом месте, есть плохие люди, есть хорошие. Есть «ни рыба, ни мясо», есть, наконец, и откровенные «бьяки», как говорил мой маленький сын, когда ему исполнилось около двух лет. Однако в те времена идеализм еще являлся весьма распространенным явлением, а фильм «Золотая мина» с очень хорошими, известными актерами, окончательно убедил меня в правильности выбора. Можно прямо сказать, что именно этот фильм перевернул всю мою дальнейшую жизнь. Как красиво сотрудник уголовного розыска (актер Янковский) в кафе на берегу Черного моря, да еще под хорошую музыку, брал преступника (артист Даль). Тогда мы жили еще в Иванове, у моих родителей.

На другой день после просмотра этого фильма, я пришел к начальнику милиции Фрунзенского отдела областного цен-

тра Михаилу Николаевичу Солдатенкову проситься на работу в уголовный розыск. Он внимательно выслушал мои мотивы, мол, стремлюсь к справедливости и верховенству закона, а когда я замолчал, назначил месячную стажировку под руководством опытных оперативников. Видимо хотел, чтобы его матерые сотрудники пригляделись ко мне, проверили в деле. Пришлось даже отпуск взять в конструкторском бюро, для ее прохождения ... Месяц пролетел, я неоднократно участвовал в ночных засадах, а места свободного так и не образовалось. По крайней мере, мне так сказали. И я ждал...

Потом, когда жили в Кинешме, проработав девять месяцев на 2-й фабрике, опять пошел – к начальнику милиции на прием, но теперь уже кинешемской. А в кабинете сидит... тот же Солдатенков! Что скажешь: судьба! Он меня узнал, объяснил, что его перевели на службу в этот прекрасный город на Волге. Мое упорство и настойчивость в стремлении работать в уголовном розыске не оставили его равнодушным. И вот 22 апреля 1980 года приказом начальника ГОВД я стал сотрудником легендарного УГРО. Как сказал Остап Бендер в фильме «Золотой теленок»: «сбылась мечта идиота». Кабинет, куда меня определили, предназначен для четверых, как чуть позже стали их называть – оперуполномоченных. Старшим являлся Миша Мухин, крутой такой опер о которых говорят, что ему «сам черт не брат». Обслуживали мы рабочие районы – второй, первой фабрик и «Красной Ветки». Криминальная обстановка в них довольно сложная,

к тому же милицию, по устоявшейся традиции, – здесь не очень уважали; помогать обычно никто не хотел. А нетрезвые мужики в микрорайонах этих фабрик легко могли побить и самих милиционеров, даже одетых в служебную форму...

...О правильности решения идти работать в уголовный розыск, даже тщательно взвесив все аргументы я, сидя в следственном изоляторе, сделать однозначный вывод так и не смог. Во-первых, из обыкновенного скромного парня из рабочей семьи, который мог иногда прихвастнуть, получился довольно самоуверенный, если не сказать, наглый оперативник. Во-вторых, я узнал о жизни такое, что никогда бы не хотел знать. В-третьих, общаться приходилось с людьми, которых по сути-то лучше обходить стороной, включая и некоторых новых коллег. В-четвертых, именно здесь я приучился употреблять алкоголь. В-пятых, такого разочарования в органах власти, конкретно милиции, правда, после увольнения из ее рядов испытать я не пожелал бы никому. А положительным во всем этом являлась реально интересная работа и возможность с помощью Закона бороться со злом, ощущая за спиной поддержку и мощь государства. Впрочем, в моих понятиях зла, о причинах его вездесущности, а также в методах борьбы с ним, у меня произошли большие изменения. Глубокие и неторопливые размышления на эту тему, чтение соответствующей литературы, жизненный опыт приводят, как правило, к выводам далеким от очевидности. В

жизни все гораздо сложнее и запутаннее, чем мы привыкли думать и идеализировать...

Хорошо запомнилось первое суточное дежурство вместе со старшим Мухиным, который должен на личном примере научить меня работать. В районе его все знали и побаивались – он мог постоять за себя, а это здесь приветствовалось. Первый вызов не заставил себя долго ждать: нетрезвый мужчина громко и настойчиво стучался в дверь женщины, соседки по квартире, чем нарушал заслуженный ею покой. Соседка, однако, довольно бойкая разбитная бабенка, она знала многих сотрудников милиции и уж, конечно – Михаила. Мухин вкратце объяснил мне, что я как представитель власти мог вломиться в любую квартиру, избить нарушителей порядка, и даже посадить человека в тюрьму. В общем, инструктаж оказался, как говорится, что надо...

Поднялись на последний, четвертый этаж, а там, на лестничной площадке, стоял здоровый и сильно пьяный рыжий мужик. Он своим литым резиновым сапогом методично бил в дверь, какой-то квартиры. Моего учителя он, видимо знал и явно боялся, так что сразу успокоился, пообещав уйти на свою жилую площадь – как раз напротив той, которую он хотел, так сказать, посетить. Удовлетворенные, мы спустились к машине и удобно расположились на своих сиденьях. Однако в эту же минуту заработала рация. Дежурный сообщил, что опять звонила та же гражданка и жаловалась на агрессивные действия соседа по лестничной площадке. Мухину

подниматься второй раз лень, и он отдал мне странноватый приказ:

–Иди, дай ему в морду чисто в воспитательных целях.

Я понял его буквально и вновь стал карабкаться по ступенькам наверх. Но уже один и в гражданской одежде, форму-то мне еще не выдали... А тот рыжий хулиган видно, не запомнил меня в лицо и вместо двери попытался зацепить ногой именно это место. От удара я увернулся, одновременно встретив крюком справа, распаленную физиономию. Приземление дебошира возле двери своей квартиры оказалось жестким. Услышав шум, выскочил его отец и громко закричал:

– Сына убивают!

К такому повороту событий я оказался не готов и неожиданно для самого себя сразу успокоился. В том смысле, что пропало намерение продолжить избиение рыжего гражданина.

А через два дня я уже сидел в кабинете заместителя прокурора Кинешмы Черноглазова. Он очень сильно заикался, и его речь прозвучала примерно так:

–Если ты та...так начинаешь, то к мо...моей пенсии у...уже из тю...тюрьмы освободишься!

Надо же: как в воду смотрел работник прокуратуры! И ведь сбылось его гневно-шутливое предсказание! Правда, через много лет...

...В очередной раз улыбнулся своим воспоминаниям.

Действительно, то пророчество почти сбылось, ведь я в данный момент находился на жесткой деревянной кровати, нарах, без матраца и других постельных принадлежностей. От милицейских аксессуаров у меня остались только блокнот и ручка. Ну, еще и память... Но успел-таки двенадцать с лишним лет отработать в милиции. Между тем сам Черноглазов давно уже умер и гораздо раньше, чем я уволился из органов. Кстати сказать, мужик-то неплохой, с хорошим чувством юмора. Много позже этого случая я еще раз к кому-то на улице приложился неудачно. За дело, конечно, но что-то сломал – то ли зубы, то ли всю челюсть. Так Черноглазов сказал заместителю начальника по оперативной работе Василию Андреевичу Бурлакову:

– В этот раз минимум ящик водки может загладить вину твоего подчиненного.

Так и покупал уважаемый мной руководитель на свои кровные эту водку проклятую. Правда, пили они ее вдвоем с прокурорским работником. Надеюсь и за мое здоровье тоже...

... Лично за мной оказался закреплен район второй фабрики, где я собственно, и жил. Он включал в себя само текстильное предприятие и прилежащий жилой район. В основном частный сектор из одноэтажных рубленых домов. Однако имелись и пятиэтажки, построенные, кстати, на средства этой же фабрики. Да и проживали здесь в основном рабочие этого предприятия. Можно сказать, что вся жизнь микро-

района связана с текстильной мануфактурой. В мои обязанности входило – раскрывать все преступления, то есть устанавливать лиц их совершивших, и собирать доказательства вины всех соучастников. При этом я обязан обладать информацией обо всех жителях, не желавших жить по Закону. А для этого у меня должна иметься агентурная сеть, или как говорят в народе, «стукачи». Они на тайных встречах могли бы сообщать мне обо всех преступлениях, ставших им известными и лицах, их совершивших. По сути, многие «стукачи» сами преступники, и в душе и по факту, однако с ними заключался своего рода договор: им прощалось ранее содеянное, но взамен они должны делиться интересующей уголовный розыск информацией. Все просто и придумано еще до периода исторического материализма, то есть в далекие царские времена. За хорошую информацию, коей считалась та, что привела к раскрытию реального преступления «стукачам» платились деньги. И многие из них настолько увлекались подобным заработком, что могли «продать» и мать, и отца, и тем более друзей.

Естественно, в начале своей работы я подобных секретов не знал, и никаких агентов у меня не имелось. Деньги, выделенные на работу с таким контингентом, должны ежемесячно тратиться, иначе сумму сокращали. Не удивительно, что в конце месяца начальник уголовного розыска Борис Константинович Гладышев, человек всецело преданный работе, буквально навязывал всем опытным операм советские руб-

ли. Представьте такую картину – идет оперативка в кабинете начальника. Присутствуют все оперуполномоченные и опытные, и не очень, и совсем «зеленые», как я. Кто-то просит у Гладышева шестьдесят рублей, кто-то – пятьдесят или тридцать. И он им дает...наличными. Я же сидел, не понимая, что за премии раздают и почему мне не предлагают, ведь моя зарплата на тот период составляла около ста рублей. Уже потом, когда мне присвоили звание старшего лейтенанта милиции, она немного увеличилась. Кстати, присвоение сразу «старшего» произошло потому, что по запасу в военкомате у меня именно такое звание и имелось, только воинское.

Когда все прекратили просить деньги, начальник спросил:

–Может, еще кому надо?

Этот вопрос спровоцировал и не удержался, произнес:

–Товарищ майор, а можно и мне рублей тридцать, а то зарплата уж очень маленькая.

Кстати сказать, на фабрике я получал целых сто семьдесят рублей... Взрыв смеха двух десятков человек, оказался слышен, наверное, даже на улице. Я сидел красный от обиды и смущения, не понимая, чем так всех рассмешил. Когда же мне объяснили, на что должны расходоваться эти деньги, мне стало стыдно. Но прошло немного времени, и я научился сам вербовать агентуру и работать с ней не хуже, чем опытные сыщики. Да и шестидесяти рублей в месяц для поощрения всех моих негласных помощников мне не хватало. Некоторые оперативники часть денег присваивали себе. Я

даже по прошествии многих лет горжусь тем фактом, что ни одного рубля, ни разу не присвоил. В этом плане моя совесть даже перед Богом абсолютно чиста...

...Примерно так же, в том смысле в полном смущении, обиде и недопонимании чувствовали себя наши вновь прибывшие сокамерники, когда у них возникал очередной тюремный конфуз перед опытными «сидельцами» и сотрудниками изолятора. О тюремных розыгрышах расскажу чуть позже. Без лишней скромности скажу, я на них был искусен до крайностей и весьма изобретателен. Все они основаны на обычной людской психологии, вреда физического не приносят, а однообразную жизнь в изоляторе немного скрашивают. Правда, порой встречаются такие находчивые сидельцы, да с хорошим чувством юмора, что любой прикол обращают в свою пользу...

...На вверенном мне участке стоял винный магазин под номером сто сорок пять. Одноэтажное каменное здание, расположенное на улице Соревнования в одном ряду с жилыми домами. Имело оно два входа и два отдела – продовольственный и винный. И у последнего в теплое время года всегда у входа толпились нетрезвые люди. Постоянно происходили драки с поножовщиной, порой со смертельным исходом. Кто-то без очереди полез, кто-то не подумав хамское слово, произнес в адрес весьма обидчивого гражданина. В общем, причины для конфликта порой возникали самые неординарные. Где-то в мае 1980 года именно здесь и произошло

умышленное убийство...

Неустановленное лицо ударило жертву ножом на глазах у нескольких свидетелей среди бела дня. Причиной послужил внезапно возникший спор на почве неприязненных отношений. Так обычно пишут в милицейских протоколах. Потерпевший умер до приезда «Скорой помощи». К несчастью для меня все очевидцы конфликта оказались ранее судимые. Милицию они, естественно, не любили, «стукачей» – тем более. К этой категории такие люди причисляли даже тех, кто просто рассказал правду о случившемся происшествии сотрудникам правоохранительных органов. В помощь нам для раскрытия убийства из УВД города Иваново направили старшего оперуполномоченного уголовного розыска Юрия Дмитриевича Бушуева. Внешне он сильно напоминал Эркуля Пуаро, всемирно известного сыщика, литературного героя произведений Агаты Кристи. Невысокого роста, с маленькими усиками под носом, очень умный, хороший аналитик и мастер делать правильные выводы из хаоса информации. У приезжего опера пронзительно ироничный взгляд, уравновешенный характер и спокойная речь.

Мы с Мухиным были приданы руководством отдела ему в помощь. В наши обязанности входило привозить подозреваемых в отдел – тех, кого наметил Бушуев, и предварительно опрашивать их. В реалии выглядело так: мы с Михаилом задерживали очевидца, привозили его в наш кабинет, старший при этом просил всех выйти в коридор, включая и меня. Но

при этом я успевал заметить, что он засучивает рукава своей рубашки... Потом из кабинета долго слышались глухие удары и крики подозреваемого. Когда я заходил, тот обычно уже писал явку с повинной. Причем утверждал, что именно он и есть убийца, а остальные просто стояли рядом. Хотелось бы обозначить свое отношение к рукоприкладству в кабинетах дознавателей. Оно однозначно отрицательное. И это не «рисовка» с моей стороны. Забегая вперед, отмечу, что когда я стал начальником уголовного розыска, то безжалостно выгонял всякого, кто именно так пытался раскрывать преступления. «Жертвой» моей принципиальности стал даже близкий друг, в общем-то, неплохой сыщик Женя Малиновский. Однажды, зайдя к нему в кабинет, я увидел человека на полу, которого он ударил ногой. Сразу отобрал удостоверение и отнес его вместе с рапортом начальнику милиции. Евгения уволили из органов внутренних дел в течение недели. Многие сыщики меня словесно осуждали за подобную принципиальность...

Однако вернемся, как говорится, к «нашим баранам»... После написания подозреваемым явки с повинной, Мухин вел его к Бушуеву, тот через постановление следователя прокуратуры задерживал его в изоляторе временного содержания милиции (ИВС). В фильмах обычно показывают, как следователи лично раскрывают дела, а опера беспрекословно выполняют их указания. Но это, мягко говоря, неправда. Следователь редкий раз активно трудится по «темному

делу». Вот когда сыщик приводит к нему преступника, уже успевшего признаться во всем, то действительно наступают его работа: юридически грамотно оформить то, что уже проделано оперативником. В результате нашей с Мухиным активной деятельности, в камере сидели по подозрению в убийстве три человека. Всех «расколочил» лично Михаил, причем активно применяя физические меры воздействия. Каждый из них при этом утверждал, что нож находился у него в руках, и именно он – убийца. Оценив возникшую обстановку, в наш кабинет зашел озадаченный Бушуев с извечным вопросом:

–Ну и что будем делать?

Именно в этот момент я понял – опыт работы моего старшего товарища далеко не лучший и тем более, небезгрешный, что так делать нельзя, ни при каких обстоятельствах. Юрий Дмитриевич все – таки вычислил настоящего убийцу среди троих подозреваемых. Именно тот показал, где бросил окровавленный нож, на котором, к тому же оказались отпечатки его пальцев...

...Невольно стал «примерять» метод выколачивания показаний на себя и своих подельников. А если бы и к нам применялись подобно недопустимые методы дознания и следствия? Все бы выдержали? Не наговорили бы друг на друга откровенную ложь, которая уже имелась в обвинениях каждого? Смогли бы мы выстроить хотя бы какую-то защиту, гарантированную Конституцией и другими Законами? Как

все-таки хорошо, что сам никогда в своей работе не шел на такие нарушения, да и меня не били на допросах. От осознания данного факта на душе стало спокойнее. По большому счету, даже в карцере отношение со стороны сотрудников нейтрально вежливое. Вот и сейчас со скрипом открылась тяжелая дверь, и сотрудник изолятора спросил:

– На прогулку идете?

Нисколько не затягивая с ответом говорю:

– Да, да, конечно.

Прям тюремная идиллия...

...Буквально вскоре после описанных мною событий на вверенном участке произошла квартирная кража. Надо заметить, что так называемые неочевидные преступления совершались почти каждые три дня. Если по горячим следам их не удавалось раскрыть, они откладывались до лучших времен или до поступления какой-то конкретной информации от агентуры. Конечно, тяжкие преступления, вроде убийств, изнасилований, разбоев всегда в приоритете – их раскрытием приходилось заниматься несмотря ни на какую занятость. Как правило в составе целой оперативной группы.

Однако вернусь к описанию хищения личного имущества. Неустановленный преступник залез в частный дом на улице Энергетической. Улочка в принципе тихая – состоит из одноэтажных рубленых домов в два ряда. По ней ходят куры и гуси, пощипывая траву и издавая характерные звуки. Иногда где-то залает заскучавшая на цепи дворняга. Редкий раз

по улице пройдет прохожий или проедет машина. О способе проникновения «домушник» сильно беспокоиться не стал – фомкой сломал навесной замок среди бела дня и оказался внутри. При этом украл все, что смог унести. В основном, одежду и в том числе – ярко малиновый пиджак. Миллионов тогда у людей в матрацах не имелось, все жили ровно бедно. Да и время «малиновых пиджаков» еще не наступило, и они в обиходе встречались крайне редко.

Осмотр места происшествия почти ничего не дал, кроме не очень четкого отпечатка обуви. Как меня и учил старший оперуполномоченный Мухин, розыск я начал с подворного обхода – опрашивал жителей домов, которые располагались рядом с хатой потерпевших. Никакой полезной информации в первые два дня получить не удалось, и я расширял и расширял круг поиска, отходя все дальше от места, где совершено преступление. Негласных помощников-агентов у меня не имелось, приходилось рассчитывать только на свое упорство и...везение. И вдруг оно не подвело: один из жителей, проживавший примерно в километре от места кражи, рассказал, что к нему в интересующее меня время заходил незнакомый мужчина и предлагал купить малиновый пиджак. Свидетель от покупки отказался, а вот приметы неизвестного «продавца» дал достаточно подробные. Невысокий, коренастый гражданин средних лет, лысоватый, на руках – тюремные наколки. Фоторобот тогда мы делать еще не умели, но информация для размышления, тем не менее, неплохая. «По-види-

тому, злоумышленник ранее судим, уже отсидевший срок за подобное преступление. Да и проживает, скорее всего, неподалеку», – размышлял я по дороге в родной отдел милиции. Данный вывод сделал, несмотря на утверждение знакомое с детства: «даже хорек не ворует, где живет». Вскоре нашел еще несколько человек, которым незнакомец предлагал купить костюм и даже того, кто, в конце концов, приобрел злополучный пиджак. Обидно, наверное, покупателю в подобной ситуации: при двух понятых у него изымается вещь, за которую он заплатил оговоренную сумму. Ведь денег, потраченных на приобретение заветного лапсердака, никто не вернет...

Оперативные работники в нашем общем кабинете по своей инициативе вели фотоальбом тех, кто попадал в поле их зрения. Фотографий в нем накопилось достаточно много. Пригласил я всех свидетелей к себе в кабинет и показал их без суеты и спешки. Особо опасного рецидивиста Горелова узнали почти все приглашенные. Радостный спешу в кабинет к следователю Абдулову, очень опытному, с хорошим чувством юмора работнику, – он расследовал это дело. И... получаю выговор за не процессуальное опознание. Получается, какой то «замкнутый круг»: чтобы найти преступника, вынужден показать очевидцам фотографии подозреваемых лиц. Но сделав это, нельзя проводить официальное опознание, так как формально оно уже, якобы, произведено. Но... незаконно.

Нашел я этого Горелова, привез в свой кабинет и попытался склонить к признанию – «расколоть», на сленге оперативников. Только без физического воздействия, а путем убеждения. Он спросил меня:

– Ты сколько времени работаешь в сыске?

Видно почувствовал мой «непрофессионализм», в виде вежливого обращения, отсутствия угроз и рукоприкладства. А когда узнал, что работаю я опером всего пару месяцев, как – то даже обиделся, заявив при этом, что на зоне над ним будут смеяться. Ведь изобличил-то его, опытного вора, «зеленый» совсем оперативник. Пришлось буквально просить Абдулова продолжить беседу с Гореловым. Тот согласился, а через час позвонил и обрадовал: вор признался в краже. Как бы то ни было, на меня начальство обратило определенное внимание. Кстати, тот контакт, на который пошел преступник, объяснялся просто. Оказывается, ранее следователь работал здесь же в отделе начальником уголовного розыска, и с незадачливым квартирным воров уже встречался. Друг друга они узнали. Вот и поговорили по душам... перед долгой разлукой.

Не выдам государственного секрета, если расскажу о своей первой вербовке в 1980 году будущего агента под псевдонимом «Петров»... Однако настоящие фамилии секретных помощников в моих рассказах, все – таки будут изменены. Пришла как-то к нам в кабинет молодая, нагловатая женщина и заявила, что ее изнасиловали. По ее словам, она вме-

сте со знакомыми, ранее судимыми Евгением Потаповым и Дмитрием Голиковым, выпивала спиртное на квартире одного из них, и они над ней нахально надругались. Опять-таки, с ее слов, она не стала бы обращаться в милицию, если бы кто-то один покусился на ее честь, а вот вдвоем – обидно. Насильники, между тем, и не прятались, считая – раз сама пошла с ними, их водкой угощалась, значит и насилия никакого априори быть не может. Однако в уголовном кодексе на этот счет отражено несколько иное мнение. Капитан Мухин знал обоих прелюбодеев и вскоре они оказались у нас в кабинете. Кстати сказать, опрос и допрос юридически различаются, дознаватели, к коим относимся и мы как правило опрашивают, а не допрашивают. В этот раз Михаил ушел с Голиковым в другой кабинет, а я с Потаповым остался в своем. Моему старшему товарищу, любитель женского тела признался в изнасиловании довольно быстро, а мой подопечный никак не желал рассказывать о своих похождениях.

Вскоре капитан зашел в кабинет и шепнул мне на ушко:

– Дело в следствие передавать не будем, я решил вербовать насильника.

–А как же потерпевшая?– Удивился я.

Мишка ухмыльнулся и ответил:

– Я с ней договорюсь.

И тогда в моей голове и возник план по вербовке Потапова. Раз его придется все равно выпускать, необходимо хоть какую-то получить выгоду. «С паршивой овцы хоть шерсти

клок». Евгений считал, что его точно посадят и уже смирился с этим. Мое предложение о сотрудничестве оказалось для него «светом в конце тоннеля», и почти не раздумывая, он согласился оказывать помощь в раскрытии преступлений. Я взял с него соответствующую расписку, мол, так и так обязуюсь обо всех докладывать и обо всем сообщать, при этом слегка схитрил, сказав:

– Чтобы соблюсти закон и у нас возникло полное доверие друг к другу, ты все – таки должен дать письменное объяснение об изнасиловании.

Он своей рукой написал, по сути явку с повинной. Теперь его легко можно отправить на «зону» лет на пять-шесть. Но... и расписку, и его показания я убрал в сейф. Они являлись гарантией того, что Евгений Потапов не передумает и не откажется помогать в нелегкой сыскальной работе. «Первый блин», таким образом, отнюдь оказался не комом: в дальнейшем немало преступлений я раскрыл с помощью «Петрова». Года через два он все-таки «выдохся»: его друзья и близкие знакомые сидели – замечу, не без его помощи, и он остался один. Стал жаловаться, что в районе на него косо смотрят и переживал, что я его тоже определю, так сказать, в тюрьму за ненужностью. В принципе, такова судьба всех информаторов. Реально хороший агент – это заведомо плохой человек и, как правило, преступник.

...Кстати, я прекрасно понимал в СИЗО, что единственное место, где можно «отдохнуть» от кого-то из этих «нехо-

роших людей» – это одиночный карцер. Только здесь я находился один, если не считать, конечно, крыс, а значит, – в относительной безопасности от каких либо провокаций. А в «родной камере» надо ухо, как говорится, держать остро. Любое неосторожное слово может стать известным оперативному сотруднику, причем в весьма вольной интерпретации. Затем оно может оказаться приобщенным к доказательствам по «моему» уголовному делу. Конечно же, следовательно надо юридически грамотно все оформить. Лучше всего «опасных» сокамерников знать «в лицо», то есть вычислить. Каким образом куратор в следственном изоляторе может пошептаться со своим осведомителем? Либо во время прогулки, а стукачек должен от нее отказаться, придумав достоверную причину и остаться в камере в гордом одиночестве. Либо когда всех уведут в баню, а он опять же «в этом году уже мылся и больше не желает». Правда есть и третий путь – выводят наушника из «хаты», якобы, к адвокату, врачу или следователю...

...Через полтора года работы в уголовном розыске у меня уже имелось около пятнадцати «добровольных» помощников: для участка, который я обслуживал, этого более чем достаточно. Благодаря столь обширной сети информаторов, я знал обо всем, что творилось «на моей земле» (сленг оперативников). Или почти все... Случалось, договорятся ворюшки совершить кражу ткани со 2-й фабрики, а я их уже жду у дыры в заборе. Оружие выдавали только на дежурство,

машин тоже вечно не хватало. Порой я один вел «цугом» троих преступников с рулоном краденой ткани к автобусу и в отдел. Зрелище, не для слабонервных товарищей. Сопротивления, правда, никто не пытался оказывать – рассказы о моих рукопашных «подвигах» давно ходили по району.

В 1982 году в городе завелся умелый и ловкий «домушник» – человек, совершающий кражи из хат и квартир. Правда, тот, о котором хочу поведать воровал в разных районах города, но только – из частных домов, на дверях которых висел навесной замок. Для него это означало, что внутри никого нет. Проникал ловкач всегда через окно, аккуратно снимая штапики и вынимая затем стекло. Брал все подряд – вещи, золото, деньги. Кстати, нюх на деньги у него оказался отменный – находил их там, где не всякий и искать бы стал. Известно, что каждый профессиональный домушник имеет свой неповторимый «почерк». Обычно он характеризуется четырьмя критериями: временем проникновения, способом, предметами посягательства и местом сбыта краденного. Человеческая психология – получилось раз, другой, значит, получится и в пятый.

...Будучи уже руководителем розыска, на основе этих практических наблюдений я и разработал схему раскрытия подобных преступлений. Поручил ее реализовать Кунькину – он занимался раскрытием квартирных краж. Однако у него ничего не получилось, скомпрометировал саму идею «на корню». Правда, я забежал далеко вперед в своих вос-

поминаниях. Этот неудачный опыт произойдет много позже описываемых событий...

Чуть выше я коснулся темы о способностях некоторых преступников выискивать наличность. В связи с этим мне вспомнился довольно курьезный случай, не связанный с работой в милиции. Шел 1988-й год. Поехали мы с женой летом по путевке от родной второй фабрики отдыхать в отпуск, в южный город Геленджик. Санаторий назывался «Красная Талка». У нас на руках определенная сумма денег, за сохранность которых мы, естественно, переживали. Спрятал я их так, «что никто не найдет»: одну часть – в запасные ботинки, которые поставил под кровать, а другую – за крышку радио на стене. Почему не в одно место? А вдруг злоумышленных все же найдет заглашник, решит, что забрал все, что было и покинет комнату. Тогда на непредвиденные расходы у нас хоть что-то останется...

Вечером всех отдыхающих собрали в фойе для инструктажа. Руководитель санатория рассказал, что у администратора имеется специальный сейф для хранения сбережений, что иногда у них случаются кражи из номеров и что за не сданные на хранение деньги администрация ответственности не несет. И привел примеры: мол, спрячут деньги в ботинки или за крышку радио, а потом приходят, а денег нет... Видел бы кто, как я быстро, не дождавись окончания инструктажа, влетел на свой этаж в свой номер! Забрал все деньги и последовал совету администратора – сдал их на хранение в сейф.

Впрочем, немного отвлекся от основной темы...

Ну, а пока продолжу рассказ о квартирных кражах. На моем участке домушник вскрыл три хаты, и это, наверное, оказалось его роковой ошибкой. Знал бы он, с каким упорным сыщиком связался! Всего, кстати, преступник совершил около двадцати подобных правонарушений – почерк везде одинаковый. Для понимания логики преступлений, мне пришлось изучать не только «свои» кражи, но совершенные и на других участках. У нашего начальника розыска Гладышева от этого хитреца буквально болела голова – и днем, и ночью. На одной краже вор взял брюки коричневого цвета в полоску и надел их на себя, свои же оставил на месте преступления. Теперь мы знали размер его одежды, примерный рост и вес самого злодея, имели вещественное доказательство с его запахом (это зацепка для служебной собаки). Между тем подобные преступления по всему городу продолжались...

Однажды я стоял на автобусной остановке «Фабрика №1». На улице летняя, не слишком жаркая, погода. Я наслаждался обдувающим теплым ветерком и никого не трогал, в смысле не задевал... Подошел довольно высокий мужчина – средних лет, внешне достаточно крепкий. Он поставил сумку в стороне от себя и тоже спокойно стоял и никого не трогал. Два взрослых мужчины стоят рядом и ведут себя совсем не агрессивно. Но на подошедшем незнакомце брючки, один в один идентичны краденым, согласно их описанию потерпев-

шим! Да и сумку, как правило, ставят в стороне от себя не простые люди, а те, кто рассчитывает сказать в случае чего: «А это не моя кошелка». «Может это и не вор, но проверить надо,— подумал я, — тем более что в свежих уголовных делах появились отпечатки пальцев. Потерял осторожность преступничек от безнаказанности».

Вдали уже виднелся автобус, а план задержания подозреваемого в кражах никак не складывался. Имелось обоснованное сомнение в том, что смогу его привести в отдел милиции без драки в людном месте. А нарушать общественный порядок мне совсем не хотелось. Вдруг я увидел, как автобус перед остановкой обогнал знакомый мне «горбатый» Запорожец. На таком ездил Миша Мухин, который успел к этому времени перейти на службу из розыска в приемник – распределитель. Остановил его взмахом руки, успев только крикнуть:

–Помоги!

Подошел автобус, незнакомец взял сумку и пытался сесть в него. Я подскочил сзади и тихо произнес:

–Гражданин, пройдемте с нами.

Он сразу все понял. Бросив сумку на землю, подбежал к ближайшему забору частного дома и быстро перемахнул его. Я рванул следом, а Мухин – наперерез, в улицу. Но как я ни старался, дистанция между нами с каждым перепрыгнутым забором не сокращалась. Наконец незнакомец перемахнул через последний штакетник и оказался... прямо в Миш-

киных объятьях. Я подлетел на помощь и пытался взять беглеца за руку, но тот отшвырнул меня, словно мячик. Возня продолжалась минут двадцать. Собрались зеваки из соседних домов. Подозреваемый в кражах здоровяк решил сыграть роль потерпевшего и закричал:

– На меня напали, помогите!

Пришлось и мне жути нагнать. Я твердо сказал:

– Мы из милиции, и задерживаем вора и убийцу.

Кто ж убийцу выручать то будет? Ложь во спасение! Зеваки разошлись, потеряв интерес к происходящему, а ведь могли и отбить «пленника». Мы кое – как дотащили беглеца до автомобиля, затолкали его на заднее сиденье маленькой машины и привезли в отдел. Да и сумку с остановки подобрать, не забыли. В ней оказался газовый баллон, который он хотел заправить пропаном: его баллон, не краденый. Кажалось бы, зачем страховаться? Но привычка – вторая натура...

В дежурной части я снял с подозреваемого отпечатки пальцев, отнес их экспертам, а сам, уже в своем кабинете, попытался «расколоть» его. Своими вполне законными методами. Он, обосновано полагая, что отпечатки пальцев его изобличат, решил признаться в нескольких квартирных кражах. Но – не во всех, только в тех, где, по его мнению, он мог наследить. Взяв письменное объяснение, я передал квартирного вора следователю для официального допроса, а сам побежал к экспертам. Те прямо осчастливили меня, сказав,

что даже по предварительным данным, пальцы принадлежали задержанному гражданину на шести нераскрытых кражах. Самое смешное, что это совсем не те преступления, в которых домушник успел признаться. В общем, он забрал в места лишения свободы все свое, что совершил в нашем городе. Попутно раскрыли ряд преступлений в соседнем За-волжске.

...И посыпались награды, и отличия... Капитана милиции я получил досрочно, месяцев за десять до необходимой выслуги. Денежной премией отметили в родном отделе – и меня, и Мухина. Потом вызвали в областное УВД за «особой» наградой. На крупном совещании оперативного состава генерал Романов, он тогда возглавлял УВД, сначала словесно похвалил, а после «бурных аплодисментов» подарил мне электрогитару. Однако при этом задал вопрос:

–Играть-то умеешь?

Я бойко ответил:

–Научусь, товарищ генерал!

В тот раз слово свое я так и не сдержал, хотя и самоучитель для игры на гитаре купил, и времени не жалел на обучение. Но, как говорил отец, мне «медведь на ухо наступил». Видимо при рождении, я этого не помню... Ну не оказалось у меня музыкального слуха. Совсем никакого, даже для игры на барабанах...

... «Зато довольно быстро научился защищаться в суде, с участием присяжных заседателей. Особый слух для этого

был не нужен», – подумал я. При этом невольно улыбнулся, пытаясь заснуть на деревянной «шконке». В холодном карцере это получалось не всегда быстро. Очень известный в Иваново адвокат Лариса Трофимова однажды, подойдя к моей «клетке», сделала комплимент, что такой квалифицированной защиты подсудимого она ни разу не встречала. Подобная оценка дорогого стоит: обычно адвокаты ревниво относятся к своей репутации и не хвалят никого в этой сфере, а о себе «скромно умалчивают». Вот я и задумался в своей карцерной клетке, а не дает ли Господь каждому тот талант, который ему необходим в реальной жизни...

Мое руководство в лице Б.К. Гладышева и В.А. Бурлакова полагало, что поскольку в районе второй фабрики преступность значительно искоренена, мое присутствие там теперь не обязательно. «Отцы-командиры» решили перевести меня на более ответственный и тяжелый участок работы – в микрорайон «Центр». По их словам, я как опытный оперативник просто обязан улучшить показатели раскрываемости неочевидных правонарушений. Произошло это в 1983 году. Я не очень-то и сопротивлялся их решению. Во-первых, хотелось реально попробовать свои силы в условиях города, район второй фабрики, как ни крути, подобен деревне, во-вторых, понимал, что мой отказ все равно не будет принят. За меня уже все решили.

Огромный неблагополучный район «Центр», помимо непосредственно центра города, включал в себя и большой

прилегающий участок. Это и обширный район «ДХЗ», и совсем не малый микрорайон завода «Электроконтакт». В общем, чтобы изучить весь криминальный и около криминальный контингент, влияющий на показатели борьбы с преступностью, надо работать и работать. К тому же имидж «хорошего сыщика» ко многому обязывал. Обо мне время от времени в положительном плане упоминали в областных и местных газетах.

...Невольно улыбнулся, размышляя о былой славе... Нынешняя «слава», стараниями областных СМИ, установилась явно отрицательная. Не зря говорят, что журналисты и представительницы самой древней профессии во многом схожи. Хотя бы один из таких писак пришел, выслушал другую сторону, то есть меня и моих друзей, прежде чем публиковать откровенные гадости со слов милицейских начальников. Но – куда там! ... Им нужна сенсация – бывший начальник уголовного розыска и вдруг в тюрьме. Одна кинешемская журналистка Жанна Юрская после нашего освобождения нашла в себе силы извиниться и написать опровержение своим предыдущим статьям. Правда, после того, как я пригласил ее на чашечку кофе и предъявил оправдательный приговор. А писали-то очень и очень многие, очерняли силой пера и слова. Впрочем за окном уже стемнело. Пора приступить к вечерним молитвам и постараться простить всех «очернителей»...

...Однажды, весной 1983 года, поздно вечером три моло-

деньких продавщицы магазина № 45, находящегося рядом с отделом милиции, какой – то отрезок пути домой решили пройти пешком – немного развеяться и поболтать. Жили они все в районе АЗЛК и шли по улице Правды, довольно широкой и хорошо освещенной уличными фонарями. За разговором не обращали внимания на шум двигателей проезжающих в обоих направлениях машин... А сзади на большой довольно скорости мчался «Москвич – 412». Водителя что-то отвлекло и он зацепил одну из девушек, проволока ее по дороге около восьмидесяти метров. Видя в зеркала заднего обзора неподвижное девичье тело, скрылся с места преступления. Потерпевшая умерла до приезда «Скорой помощи». Как обычно бывает в подобных случаях, две свидетельницы подруги погибшей, номера машины не заметили, как и марку; запомнили лишь цвет кузова – серый. Вокруг криминального события возник вполне закономерный информационный шум – и в местных СМИ, и среди жителей города.

Раскрытие данного дела взяли на контроль и в Ивановском УВД, и в кинешемском горкоме партии. Меня вызвал к себе в кабинет заместитель начальника городского отдела по оперативной работе Василий Андреевич Бурлаков. В молодости он сам являлся оперативником и, как говорили коллеги, очень и очень хорошим. Довольно длительное время исполнял обязанности начальника уголовного розыска, знал все, что можно только знать о борьбе с преступностью. Он никогда не повышал голоса на подчиненных, скорее наобо-

рот: когда ему что – то не нравилось, то говорил все тише и тише, иногда переходя на почти шепот. В отделе все знали, если Бурлаков начал говорить на тон ниже, то лучше не спорить и постараться уйти «с глаз долой». Однако этого руководителя все подчиненные без исключения сильно уважали, и следует отметить, вполне заслужено.

Мне он предложил возглавить группу по раскрытию резонансного преступления. А я-то совсем недавно перешел на новый участок «Центр», там много «своих» нераскрытых дел; надо приобретать агентуру, изучать район, людей, проживающих в нем. Своими колебаниями я довольно темпераментно поделился с уважаемым начальником. Он, заметно снизив громкость своего голоса, сказал мне:

– Ты, наверное, меня не понял. Это не просьба, а приказ. Возьми себе в группу столько сотрудников, сколько считаешь нужным. И кого считаешь нужным, но преступника найди!

Снова пытаюсь озвучить аргументы для отказа, мол, улица Правды не мой участок, там свои оперативники отвечают за обстановку. Однако в этот раз почти шепотом заместитель начальника милиции произнес:

– Через час доложишь мне, кто тебе нужен в группу. Придешь с предварительным планом по раскрытию данного дела. Все, можешь идти.

Я не самоубийца, чтобы продолжать спорить, тем более, как я уже знал, никто и никогда не заходил настолько далеко

в беседе с Василием Андреевичем. Никто даже представить не мог, что в подобном случае может произойти. Подумав, набросал на бумаге план раскрытия уголовного дела, выбрал себе в помощь трех оперативников с разных участков и трех участковых инспекторов. После этого сразу же явился к Бурлакову. Он всех указанных мной сотрудников пригласил к себе в кабинет. Объяснил им, что они поступают в мое полное распоряжение на время работы по данному уголовному делу. Не могу сказать, что ребята пришли в восторг от услышанного, но возражать никто не осмелился...

И началась упорная деятельность теперь уже моей оперативной группы – опросили жителей, проживающих в районе улицы Правды, делая упор на молодежь, которая могла здесь гулять вечером. Результат нулевой. По всем автосервисам оперативники провели тщательные проверки – в плане возможного устранения повреждений на машине, которая нас интересовала. Ремонтники знали про происшествие, о котором говорили за каждым углом, и с радостью бы нам помогли, да нечем. Я без особой надежды на успех, дал объявление в местные газеты с просьбой к возможным свидетелям поделиться любой имеющей отношение к делу информацией. И это неожиданно сработало... Чета Петровых в день, когда произошло ДТП, шла из гаражного кооператива, расположенного рядом с заводом «Автоагрегат», мирно беседуя между собой. Вдруг на дороге впереди себя заметили машину марки «Москвич 412» серого цвета, направлявшуюся,

очевидно, в тот же кооператив. При их приближении автомобиль остановился, из салона выскочили мужчина и женщина, которые своими телами явно старались закрыть регистрационные номера...

Это уже ниточка, канат, стопроцентная зацепка. Нашли план гаражного кооператива с отметкой полных данных всех владельцев индивидуальных боксов – всего их оказалось сто девяносто девять. Распределил моих временных подчиненных, для проверки и осмотра каждого. В одном из них должен стоять слегка побитый автомобиль серого цвета. Немало любопытного обнаруживали порой оперативники при осмотре гаражей. К примеру, пришел сотрудник уголовного розыска в бокс, а там целая гора запчастей к автомашине «Москвич». Начинал разбираться, и выявлялось еще одно латентное преступление – хищение с завода «Автоагрегат». Однако главная задача другая, поэтому воришкам... предлагалось помогать в розыске нужного нам седана. В противном случае – им придется отвечать в соответствии с Законом. Забегая вперед, отмечу, что иногда при таких «внеплановых» вербовках агенты оказывались настолько полезными, что сотрудничество с ними продолжалось потом не один год. Искали злополучный «Москвич» без выходных, даже майские праздники у нас оказались заняты поисками.

Наконец, осталось непроверенными всего около десятка гаражей и из владельцев. Именно в этот момент в помощь по раскрытию преступления из уголовного розыска областного

УВД приехала группа оперативников во главе с Валерием Пироговым. Он и раньше бывал в Кинешме, помогал в работе, и мы хорошо знакомы. И вскоре не проверенным остались всего один бокс и его владелец, которого никак мы не могли найти. По изначальному списку его разработку я поручал Николаю Рогозину, оперуполномоченному кинешемского розыска. Однако все члены оперативной группы, включая и Николая, убеждали меня прекратить проверку данной версии, как неверной, и искать в другом месте. Мол, не может быть, чтобы в последнем по списку гараже оказалось то, что мы так долго искали. По теории вероятности процент нулевой.

Я же «уперся как бык»:

– Нет, будем использовать даже последний шанс.

А Рогозину безапелляционно приказал:

– Хоть спи возле его квартиры, но найди, доставь ко мне этого гражданина, осмотри его машину на предмет повреждений.

Наконец, мой временно подчиненный позвонил:

– Нашел, это главный механик молокозавода, он уже признался в том, что совершил наезд на улице Правды. Машина имеет характерные повреждения и следы красной жидкости, похожие на кровь, на бампере.

Вот он момент истины, ради которого больше двух недель мы с утра до вечера упорно трудились!

Когда преступника привезли в отдел, представители об-

ластного УВД буквально вырвали его из рук Николая и стали допрашивать сами. Следует отметить, что это обычная методика их «помощи», чтобы потом доложить руководству: «Это мы его «раскололи», мы главные в раскрытии резонансного преступления». В машине в тот злополучный вечер ехала вся семья: за рулем – хозяин, рядом – жена, сзади – дочь-подросток по имени Лена. Когда произошло дорожно транспортное происшествие со смертельным исходом, девочка сильно переживала случившееся. В школе, дети говорили об этом событии, возмущались тем фактом, что виновники скрылись с места ДТП и не оказали первой помощи пострадавшей. Лена просила отца пойти в милицию и во всем признаться. А тот все никак не решался, понимал, что впереди тюрьма и приличный срок. Но от судьбы не уйдешь...

Из УВД пришел приказ о поощрении нескольких сотрудников за раскрытие неочевидного правонарушения. Надо ли говорить, что «в первых строках» красовались фамилии четверых «помощников» из областного УВД, а уже в конце списка – я и Rogozin Николай? И все! Больше никого в этом списке... Правда возмущенное такой несправедливостью руководство нашего отдела издало свой приказ, в котором и поощрили денежными премиями всех членов моей опергруппы.

... Снова невольно улыбнулся в душе, подумав: «А в уголовном деле, по которому я так «весело провожу время» в подвале изолятора, на первое место претендовать никто не

будет, его явно приготовили персонально для меня»... Загремели запоры – сотрудники СИЗО приглашают на часовую прогулку. В моем случае это одно из немногих удовольствий – подышать свежим воздухом, полюбоваться небом через решетку, немного потренироваться, если будут силы. Или просто походить неспешно по кругу, поразмышлять о несправедливостях и превратностях судьбы...

Довольно часто приходилось работать по убийствам, и редко они оставались нераскрытыми, как будто кто-то свыше направлял поиск преступника в нужном направлении. Может душа убиенного жаждала мести? Или Сам Господь нашими руками хотел наказать душегубов? За шесть лет, в течение которых я находился «у руля» в розыске, «темным» осталось одно такое преступление. Для нашего волжского города это весьма неплохой показатель. Об этом сложном деле расскажу несколько позже, оно в какой – то степени связано с моим будущим переходом из уголовного розыска в ОБХСС. Кстати, для сравнения – мой преемник в первый год работы в данной должности допустил три нераскрытых убийства...

Следующий памятный случай произошел в 1983 году, я, тогда – старший оперуполномоченный по району «Центр», находился на суточном дежурстве при дежурной части. Меня ответственный по отделу направил проверить какой-то телефонный вызов из района «Электроконтакта», – совершенно обычный, даже не помню, по какому поводу. Но когда наш милицейский Уазик проезжал мимо проходной за-

вода, возвращаясь в отдел, незнакомый мужчина махнул рукой, пытаясь нас остановить. Проходная освещалась достаточно хорошо, и не заметить человека даже ночью невозможно. Выглядел он вполне прилично, одет по погоде – в плащ, не застегнутый на пуговицы, а под ним виднелся костюм и галстук. Времени на часах около одиннадцати вечера. На улице «золотая осень» и в это время уже прохладно.

Просьбу незнакомца мы выполнили, притормозили, и я спросил:

–Что вы хотите от нас?

Он вежливо ответил:

–Я инженер, приехал на завод «Электроконтакт» в командировку и вот не знаю, как проехать к гостинице, название которой к тому же забыл.

– Вы помните,– где она находится? – попытался я уточнить.

Командировочный слегка задумался и ответил:

– Да на берегу Волги.

– Так, наверное, это «Центральная». Мы едем в отдел и можем вас подвезти. – Предложил я, улыбнувшись незнакомцу.

Мужчина сел в машину, при этом нас сразу окутал аромат хорошего алкоголя. Однако ощутив нашу реакцию, тот стал оправдываться:

–Да мы с главным инженером после работы выпили немного хорошего коньяка у него в кабинете.

Через пятнадцать минут милицейский Уазик подъехал прямо к гостинице «Центральная». Инженер, сказав дежурное «спасибо» вышел. Сразу видимо не сориентировался, что это вовсе не та гостиница. А мы довольные тем, что помогли человеку с чувством выполненного долга направились в центральный отдел милиции.

А прямо у входа стояли два молодых дагестанца и о чем-то темпераментно разговаривали между собой. Я им сказал: – Гости с Кавказа городской отдел – не то место, где можно стоять и ругаться. Найдите для выяснения отношений другое место.

Видя перед собой капитана милиции, они извинились и ушли как раз в сторону гостиницы «Центральной». Я доложил дежурному офицеру о результате своей поездки и ушел в свой рабочий кабинет. Пока заявок не поступило, дремал прямо на стульях, соорудив из них что-то наподобие кровати, окутавшись милицейской шинелью.

Разбудил звонок по телефону:

–Срочно на выезд. Труп.

Дежурные в подобных ситуациях всегда лаконичны – ни слова лишнего, кратко и, по сути.

Ехать пришлось совсем недалеко. Возле гостиницы «Центральная» лежал незнакомый мужчина, лет сорока – сорока пяти, без каких либо признаков жизни. На теле виднелись несколько ран от ножа, следы крови. Времени около двух ночи, но все же я попросил дежурного прислать оперативную

группу в полном составе. Машина уехала, я остался один на один с трупом. Чтобы не тратить времени зря, обыскал все его карманы в надежде найти документы, однако они оказались абсолютно пусты. Приглядевшись более внимательно к лицу, узнал инженера, которому мы «помогли», подвезли до ненужной гостиницы. Брюки у него оказались полуспущены, задняя часть тела оголена, и у меня появилось соответствующее предположение о причине его убийства. Мерзкое предположение, но в дальнейшем оно оказалось верным...

Оперативно – следственная группа вскоре приехала. В нее входил даже прокурор города Мерзолин, который, кстати, никогда не скрывал своей неприязни к милиции. Кроме главного представителя надзорного органа – дежурный следователь прокуратуры Николай Горшков, заместитель начальника кинешемской милиции Бурлаков и оперативник Игорь Веселов. С последним мы вместе «обслуживали данный участок». Игорь гораздо опытнее меня, так как работал дольше и в уголовном розыске, и в группе микрорайона «Центр». В то время на центральном рынке становилось все больше «лиц кавказской национальности», и мы полагали, что подобные преступления совершались именно ими. Сейчас, когда у меня немало друзей – выходцев с Кавказа, я о них так плохо уже не думаю. Просто по традиции первыми иммигрируют из своих республик далеко не лучшие представители своего народа.

Между тем недалеко от трупа образовалось стихий-

ное межведомственное совещание. Игорь Веселов высказал предположение:

—Я знаю квартиру неподалеку, в ней живут дагестанцы. Может они имеют отношение к убийству?

Поскольку других мыслей и версий пока не образовалось, вся оперативная группа пешком направилась по указанному адресу. Входная дверь оказалась не заперта, на полу спали четыре человека с характерным «кавказским загаром» и двое таких же почивали на кроватях. А рядом на стульях висели их пиджаки и куртки. Я подумал, что недавно приехавшим гостям быстрее всего уступили лучшие спальные места и на глазах прокурора залез в карман курточки, висевшей рядом с одной из кроватей. Достал... паспорт потерпевшего со следами крови! Передал его Бурлакову, а сам подошел к другой кровати и стал проверять карманы одежды. Кто — то из тех, кто спал на полу, проснулся и молча глядел на нас. Бурлаков ему сделал знак рукой, чтобы молчал и не дергался. А те, кто лежал на кроватях никак не реагировали на наши действия. Мирно и безмятежно спали. Между тем из куртки, которую я снял со стула, выпал нож типа финки и воткнулся лезвием в деревянный пол, издав при этом характерный звук. Его обладатель моментально проснулся. Прямо с кровати он попытался схватить финку первым, но я его опередил. Нож передал Василию Андреевичу, а сам выхватил пистолет Макарова, передернул затвор и направил в голову предполагаемого убийцы со словами:

–Дернешься, убью!

Под дулом пистолета обоим дагестанцам надели наручники, причем руки сзади, и повели их к милицейской машине, которая подъехала, следом за нами. Гостей с Кавказа я, кстати, тоже узнал – те самые, которые спорили возле отдела милиции. Однако немало произошло совпадений, причем в один вечер, приведших к трагедии... Командировочный оказался временно прописанным в гостинице «Кинешма», расположенной прямо напротив здания милиции. Если бы мы привезли его к нужному месту, он бы остался жив, впрочем, могли и вообще не подвозить от проходной завода – милицейская машина не такси... Не прогони я тогда дагестанцев от отдела, возможно убийства бы также не случилось.

Меры предосторожности при задержании хозяина ножа оказались не напрасными: тот, как потом выяснилось, мастер спорта СССР по борьбе, а второй оказался – тоже мастером спорта, правда, по боксу. Когда приехали в отдел милиции, и я подводил борца к камере, то оружие продолжал держать в руке. Задержанный кавказец попросил снять наручники. Его требования, кстати сказать, вполне правомерны. Но при этом он угрожал разорвать «браслеты», если не выполню его просьбу. Мне же хотелось доказать, что это невозможно. Я ошибся: дагестанец разорвал-таки наручники, как веревку – они лопнули в соединении. Но пистолет, направленный в его голову, мгновенно охолодил строптивого борца, и он так и

вошел в камеру с остатками наручников на руках. Да, иногда встречаются силачи...

Допрашивать убийц простым операм не позволили, этим в кабинете начальника розыска, занимались наши руководители Бурлаков и Гладышев. Боксер быстро признал вину и рассказал, что его друг хотел изнасиловать убитого, но тот сильно сопротивлялся. Тогда мастер спорта по борьбе в гневе его зарезал. Между тем сам извращенец не только не хотел признаться в убийстве, но и грубо оскорблял обоих наших уважаемых начальников. А они к этому, естественно, не привыкли. Бурлаков нашел меня в отделе, рассказал, что происходит за закрытыми дверями и... попросил, как он сам выразился, «немного проучить любителя мужского тела». Василий Андреевич знал о моей хорошей физической форме, знал и о моих принципах не применять рукоприкладство на допросах. И все же обратился именно ко мне... Что делать? Немного поборовшись со своими принципами в душе, я согласился. Однако выдвинул логичное требование – обеспечить отдельный кабинет и никаких свидетелей. Таким образом, впервые, хотя и временно, я стал хозяином апартаментов начальника уголовного розыска.

Конвой привел ко мне борца, но в комнате я конвоирам остаться не разрешил. На предполагаемом преступнике красовались новые наручники. Правда, руки закованы спереди, и он спокойно сидел на стуле, напротив меня. Я демонстративно запер кабинет и сказал, что буду учить его хорошим

манерам. При этом попросил встать. Он выполнил требование, но легко отбил руками серию моих довольно резких ударов в область живота. При этом борец умудрился схватить меня за брючный ремень и приподнять над полом. А во мне весу тогда было не меньше девяноста пяти килограмм. . .

– Еще один удар, – сказал он при этом, – и я сделаю тебе «огнетушитель».

Я никогда не занимался борьбой, сленга профессиональных борцов не знаю, но как – то сразу понял, о чем он говорит: это когда головой в пол, а ноги – кверху. Такая перспектива мне совсем не понравилась, и я как можно миролюбивее попросил его отпустить меня «на землю» и успокоиться. Эту просьбу он так же выполнил. После продолжительной душевной беседы, я предложил пригласить мое руководство, чтобы борец перед ними извинился. Так и сделали: дагестанец довольно церемонно, в рамках, как принято это у культурных людей, принес моим начальникам свои извинения. Руководители оказались удовлетворены.

Однако у обоих осталось убеждение, что такой «культуры» от дикого горца я добился лишь сильным ударом и ловкими кулаками. Разочаровывать я их, естественно, не стал. В содеянном жестоком преступлении мастер спорта по борьбе, тем не менее, признаваться не спешил. И я получил указание от кого – то из руководителей: съездить в кинешемский следственный изолятор и договориться с операми о помещении убийцы в такую «хату», где бы кардинально поправили

его сексуальную ориентацию. В СМИ частенько такие камеры называют «пресс хатами». Оперативные сотрудники знали меня, я знал их, просьбу приняли к исполнению. Причем без предварительных условий...

Дней через десять, кто-то из сотрудников следственного изолятора позвонил мне в кабинет, и попросили подъехать. Я доложил об этом начальнику розыска Гладышеву и он, договорившись о выделении мне машины с дежурной части, отправил меня в СИЗО за новостями. Оказалось, что восемь арестованных по разным делам сокамерников пытались дагестанца «жестко принять», но в итоге оказались «опущенными» мощным борцом. К тому же он их использовал по одному в день, как в гареме, а они никому не говорили, боясь позора. В итоге избежать огласки им так и не удалось. Со слов оперативников, такого в их учреждении никогда не было. Может быть, с борцом разобрались на «зоне» по тюремным понятиям, однако мне это неизвестно. В заключение криминальной истории доведу до сведения читателей – убийцы получили по десять лет лишения свободы. По сегодняшним меркам не так уж и много...

А ко мне недели через две после описанного происшествия приехала жена убитого, узнать подробности гибели мужа. Стройная, достаточно высокая и красивая женщина сорока с чем-то лет. На ней простенький плащ темного цвета, голова покрыта черным платком. Конечно, я упустил мотив преступления, но подробно рассказал о трагических сов-

падениях, произошедших в этот день. Покаялся перед ней, что стал невольным виновником гибели ее супруга. А она слушала и редела, ничего не говоря... А когда я закончил свое невеселое повествование попрощалась и ушла. На душе после ее визита стало как-то нехорошо. Хотя вроде бы я перед ней ни в чем не виноват...

... На момент описания этого эпизода, сам уже считал СИЗО почти своим домом, знал досконально все порядки. Но вот о, так называемых, «пресс хатах» мне ничего не известно. Думал, что в ивановском следственном изоляторе их просто нет. Людей нетрадиционной сексуальной ориентации содержали в отдельных камерах, номера которых знали все сидельцы. Чтобы кого-то насильно к ним посадили, не слышал ни разу. Впрочем, если «первохода» (лицо, в первый раз попавшее под следствие – прим. автора) поместить в камеру к неоднократно судимым, то она ему покажется «пресс хатой». В силу специфических шуток, розыгрышей, строгого выполнения «понятий». Но физическое насилие в принципе не практикуется...

...Кстати, богатыри встречались мне и среди русских. Однажды, когда уже занимал должность начальника уголовного розыска, дежурил в отделе сутки. Это означает, что до прихода на службу начальника милиции исполнял его обязанности. Решил проехать по городу на милицейском Уазике, проверить обстановку на улицах. Стояла зима, довольно морозная и снежная. По рации дежурный сообщил, что в райо-

не «Электроконтакта» неизвестный хулиган в нетрезвом виде ломится в проходную небольшого предприятия. Чтобы не привлекать дополнительных сил, приказал водителю ехать по адресу заявки. Название предприятия я не запомнил, да это и не важно. Высокий забор, огораживающий небольшую площадь и проходная... А там, к моменту нашего приезда, мужичок небольшого роста, но крепкий, застрял в сугробе рядом с будкой охранников и не мог никак выбраться. Мы помогли в его стремлении к свободе, но сразу же и лишили ее, усадив в милицейский автомобиль. И повезли мы страдальца в отдел для составления протокола о мелком хулиганстве. Потому что нечего, куда бы то ни было «ломиться» без спросу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.